

Военные 1941
Мемуары 1945

Ю.В. Владимир

КАК Я БЫЛ
В НЕМЕЦКОМ
ПЛЕНУ

Военные мемуары (Вече)

Юрий Владимиров

Как я был в немецком плену

«ВЕЧЕ»

2007

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Владимиров Ю. В.

Как я был в немецком плену / Ю. В. Владимиров — «ВЕЧЕ»,
2007 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-4925-3

Автор этой необычной книги Юрий Владимирович Владимиров – простой советский солдат. В 1942 году он был направлен со своей частью для участия в печально известной операции под Харьковом. В конце мая после своего первого жесточайшего боя с немецкими танками он чудом остается в живых и попадает в плен. За три года лагерей Юрий Владимирович вынес нечеловеческие испытания, но не только выжил, а сумел сохранить человеческое достоинство, бодрость духа и волю к жизни. В книге подробно, с важными, теперь уже почти забытыми, историческими и бытовыми деталями рассказывается о предвоенном времени, войне, немецком плене и первых послевоенных годах.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4484-4925-3

© Владимиров Ю. В., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	7
Часть вторая	10
Глава I	10
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	22
Часть третья	28
Глава I	28
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юрий Владимиров

Как я был в немецком плену

© Владимиров Ю.В., наследники, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Книга первая

Часть первая Годы детства и отрочества

Глава I

Я родился 18 июля 1921 года. Мои родители Владимир Николаевич и Пелагея Матвеевна Наперсткины по национальности чувашши. Они, будучи учителями, отлично владели русским языком, но в семье разговаривали только на родном – чувашском языке. Зная, что их детям предстоит жить в основном среди русских, оба родителя очень хотели, чтобы те как можно быстрее и лучше научились говорить по-русски.

Деды и бабушки были неграмотными и небогатыми крестьянами. Оба родителя, как и их родители, прожили практически всю жизнь в глухой и бедной (по крайней мере до моего появления на свет) деревне с чувашским названием Кив Кадэнь (Старо-Котьяково) теперешнего Батыревского района Чувашской республики.

В июне 1932 года я получил свидетельство об окончании Старо-Котьяковской четырехлетней школы, и мой отец решил направить меня учиться дальше, в открывшуюся в 1931 году в Батыреве школу колхозной молодежи (ШКМ). Отцу не нравилась фамилия Наперсткин, которая казалась ему слишком несолидной и унижающей личность, так как наперсток – это очень маленький и вроде бы никомушний предмет. Он боялся, что его детей, как бывало и с ним, сверстники будут дразнить наперстком. Поэтому накануне отец сходил в Батыревский сельский совет и там переписал всех детей на фамилию Владимировых, получив соответствующие свидетельства.

Имея новую фамилию, в сентябре 1932 года я стал учеником Батыревской ШКМ, которую в 1934 году преобразовали в Батыревскую среднюю школу им. С.М. Кирова. Эту школу я окончил в июне 1938 года. В ту школу я ходил в любую погоду, преодолевая ежедневно туда и обратно около 5 км. При этом обувь у детей, как и у взрослых, зимой были валенки и лапти, а в другое время года – ботинки, сандалии или лапти. Но вне школы я ходил и босиком, если было не очень холодно. Это закалило меня и позволило выжить в суровые годы войны и плена.

С раннего детства мы очень много работали физически: поддерживали чистоту и порядок в доме и в других помещениях (подметали полы и даже мыли их), пилили и кололи дрова, убирали навоз, кормили и поили скот и птицу, таскали ведрами воду из колодца, сажали, пололи и выкапывали картофель, удобряли землю навозом, таскали солому из гумна для разных целей. Летом мы поливали огород, подбирали в саду упавшие на землю яблоки, которые нередко обменивали у соседских ребят на куриные яйца, пасли свиней и телят, гоняли в стадо скот и встречали его. Осенью помогали родителям в уборке урожая. Летом приходилось также много работать в колхозе.

Во дворе у нас был небольшой турник, с 1937 года я тренировался на больших турниках, много ездил на велосипеде.

В детстве мы любили слушать рассказы взрослых о сражениях «белых» и «красных», о Первой мировой войне. Мой отец с марта по июль 1917 года находился на военной службе в Петрограде в составе (в это время уже бывшей) лейб-гвардии Измайловского полка. В середине лета 1917 года указом Временного правительства отца демобилизовали как учителя, и с сентября того же года он продолжил работу сельским учителем. Однако в 1918 году он

каким-то образом оказался в Белой армии, которая в то время находилась от нас совсем недалеко, но, к счастью, отец не успел принять участия в боевых действиях. Примерно через два месяца он дезертировал из воинской части и начал очередной учебный год в родной деревне.

Из других, правда, не очень близких мне родных, связанных с «ратными» делами, я хочу отметить двоюродного брата моей мамы (по линии её матери) – Данилова Виктора Даниловича (1897–1933), уроженца соседнего села Сень-Ахлюрт (Ново-Ахпердино) – выпускника Владимирского пехотного училища, вероятно, поручика. Летом 1918 года он находился в Симбирске на военной службе в кругу молодого военачальника М.Н. Тухачевского. С 1925 по 1930 год он был военным комиссаром сначала Чувашской, а затем Марийской АССР, и к концу службы носил на петлицах гимнастерки по два ромба, что соответствовало знакам командира корпуса и нынешнего генерал-лейтенанта. К сожалению, из-за трагической гибели старшего сына и других причин он начал злоупотреблять спиртным, и, видимо, поэтому был освобожден от занимаемой должности. Затем он окончил Казанский педагогический институт и стал работать учителем в Батыревском педагогическом техникуме. В 1922 году он участвовал в работе Первого съезда Советов в Москве, образовавшего СССР.

Другим лицом из моей родни из того же села, отличившимся на ратном поприще, был муж маминой тети Марии (сестры маминого отца – Матвея) Степан Комаров, летом 1918 года возвратившийся с войны, имея два Георгиевских креста. К сожалению, он вскоре был убит дома бандитами. Примерно через 16 лет после убийства Степана мы с большим удовольствием принимали в нашем доме молодого красивого красноармейца Петра, старшего сына тети Марии и её покойного мужа. Петр приехал на родину в кратковременный отпуск, предоставленный ему за «высокую дисциплинированность и большие успехи в боевой и политической подготовке». Бравый вид и военное обмундирование Петра вызывали у меня восхищение.

Глава II

С раннего возраста я, как почти все дети, очень любил смотреть кинофильмы про войну. Тогда это были немые фильмы. К нам в помещении начальной школы из районного центра Батырево приезжала передвижная киноустановка. Киномехаником работал наш сосед и родственник дядя Костя Задонов. Фильм «Красные дьяволята» о борьбе «красных» с махновцами я ходил смотреть три раза. В 1936 году мы увидели звуковой документальный кинофильм о Киевском военном округе, где показывали крупные военные учения под командованием тогдашних комкоров Е.И. Ковтюха (вскоре был репрессирован) и И.Р. Апанасенко (погиб в 1943 году при освобождении Орла). Далее потрясающее впечатление произвел знаменитый военный фильм «Чапаев».

...К 1934 году, обучаясь в школе русскому языку и прочитав с помощью родителей и с применением небольшого русско-чувашского словаря множество русских художественных книг, журналов и газет, я научился достаточно хорошо разговаривать и писать по-русски.

С восьмого класса нас начали обучать немецкому языку. По этому предмету у меня всегда были отличные оценки, но всё же я научился читать и писать по-немецки, запомнив не более сотни немецких слов и принципы их склонения и спряжения. Моим тогдашним «успехам» в немецком языке значительно способствовал купленный мне отцом карманный немецко-русский словарь (примерно на 10 тысяч слов). Позднее я купил в Батыреве и другой, более объемистый (на 50 тысяч слов) немецко-русский словарь, которым пользуюсь и в настоящее время...

В годы учебы в средней школе я прочитал очень много художественной, исторической и даже политической литературы, которую брал из школьной и районной библиотек и покупал. В свободное от учебы время я занимался также на Детской технической станции (ДТС). Там мы мастерили под руководством мастера В. Минина авиамодели. Авиамодели получались

у меня не очень хорошими, но я был в восторге, когда на митинге в Батыреве по случаю юбилея Чувашской автономной республики моя модель пролетела метров 50.

В 1937 году в стране начались аресты «врагов народа». У нас арестовали несколько очень хороших учителей и отличника Арсения Иванова из десятого класса исключили из школы. В это время моего отца назначили инспектором школ Батыревского районного отдела народного образования. Отец, конечно, боялся, что арестуют и его, поскольку был некоторое время в Белой армии, а в начале 1928 года его исключили из ВКП(б) с формулировкой «За хозяйственное обрастание»: он построил большой дом, завёл вторую лошадь, купил тарантас, а к весне 1930 года, после выхода в газетах статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» не смог предотвратить развал колхоза, будучи его председателем. Я думаю, позже его всё равно бы арестовали, но он прожил с начала арестов только около двух лет.

В начале 30-х годов в нашей стране учредили нагрудный знак «Ворошиловский стрелок» двух ступеней, а затем значки ГТО («Готов к труду и обороне») тоже двух ступеней, а для детей – БГТО («Будь готов к труду и обороне!»). Далее последовали значки ГСО («Готов к санитарной обороне») и ПВХО («Готов к противоздушной и химической обороне»). В воинских частях, на предприятиях и в учебных заведениях организовали сдачу норм на получение указанных значков. Однако в сельской местности необходимых условий для сдачи норм не сумели создать. В нашей школе не было не только тира и противогазов, но не хватало и лыж для сдачи зимних норм на значок ГТО.

Осенью 1937 года, когда я начал учиться уже в 10-м классе, нам в школу прислали нового преподавателя физкультуры – демобилизованного старшего сержанта К.А. Игнатъева, который очень энергично взялся за дело. Благодаря ему я сдал зимние нормы ГТО и полностью – все нормы ГСО, но самого значка получить не мог – таких значков не было в наличии. Но к апрелю 1938 года я успел получить значок ПВХО, поупражнявшись с противогазом за партой. Я сразу с большим удовольствием нацепил на пиджак это «воинское отличие» и даже сфотографировался с ним. К.А. Игнатъев показывал нам на турнике сложные гимнастические упражнения и научил меня выполнять сложнейшее упражнение – «солнце». Я был очень рад увидеть своего учителя возвратившимся с войны в звании, кажется, капитана.

В июне 1938 года в возрасте 16 лет и 11 месяцев я окончил Батыревскую среднюю школу им. С.М. Кирова, получив аттестат, соответствующий серебрянной медали (в те годы медали в средних школах не были предусмотрены) и дававший право на поступление в любое высшее учебное заведение (вуз), включая даже отдельные военные академии (до 1938 года), без вступительных экзаменов.

Я, как и отец, не курил, но успел попробовать единственно доступный мне тогда крепкий спиртной напиток – самогон, а также слабые вина – «Кагор» и «Портвейн». Однако я еще был очень наивным, со взрослыми людьми и с незнакомыми сверстниками скромен, ко всем очень доверчив, бесхитроsten, мог дать легко обмануть себя. Поговорить с чужими людьми и попросить у них что-либо (а особенно у начальства) было для меня большой проблемой: я боялся, что помешаю человеку, что подошел к нему, и выжидал подходящий момент, а мой голос становился жалким.

Я постоянно старался отличиться перед сверстниками, особенно перед девушками чем-то необычным, что мог делать или знал только сам. К сожалению, не останавливался перед тем, чтобы что-то присочинить, чем-то прихвастнуть, часто погружаться в мечты и фантазии. Был очень открытым, даже болтливым.

С раннего детства я был дисциплинированным, исполнительным, любящим во всем идеальный порядок и всегда выполнял свои обещания. Бывал я и упрям, в важных делах консервативен и многое делал по-своему, старался оставаться самим собой.

В раннем детстве я много слышал от некоторых взрослых о неотвратимости судьбы, включающей в себя и счастье, и несчастье. И я этому верил и всегда жил по принципу – что бы

со мной ни случилось, это воля судьбы, т. е. всё от Бога. Одновременно более значимыми я считал две другие пословицы: «Береженого Бог бережёт» и «На Бога надейся, но сам не плошай».

О своей жизни до 17 лет я написал в 1996 году подробные воспоминания «О моем народе, детстве и отрочестве, родных и земляках того времени».¹

¹ Замечу, что на мою дальнейшую жизнь очень повлияла ранняя смерть отца, а затем и Великая Отечественная война, заставившая многих моих ровесников быстро повзреть. Об этом и пойдет речь дальше. Рукописи находятся у родственников в деревне, а также в Русском общественном фонде (Фонде А.И. Солженицына) в Москве.

Часть вторая

Три предвоенных студенческих года

Глава I

Когда я был в возрасте отрока и учился в средней школе, мне еще не приходилось всерьез задумываться о выборе профессии. Начитавшись художественной литературы, я мог представить себя писателем, но не исключалась и мысль стать историком. В разрешении возникшей проблемы решающую роль сыграл мой отец, работавший тогда инспектором школ Отдела народного образования (РОНО) Исполнительного комитета (РИК) Советов депутатов трудящихся Батыревского района Чувашской Автономной Советской Социалистической республики (ЧАССР). Он считал, что я должен учиться дальше в Москве, а именно в Московском государственном университете (МГУ). Кроме того, отец сказал, что я должен получить не гуманитарное образование, а техническое – стать инженером. Но оказалось, что в МГУ инженеров не готовят.

Через пару дней отец увидел объявление, что в Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева на первый курс принимаются без вступительных экзаменов гражданские лица, окончившие среднюю школу с таким же аттестатом, как у меня. Мы всей семьей сразу же решили, что Военно-инженерная академия – как раз то, что мне нужно: Академия очень престижна, там платят большую стипендию – кажется, около 550 рублей в месяц на первом курсе, слушатели носят красивую военную форму, а самое главное – инженерная специальность обеспечивала «безбедную жизнь в будущем». А о том, что вскоре может разразиться война со всеми её страшными последствиями, ни я, ни другие члены нашей семьи в то время совсем не предчувствовали.

Я быстро получил справку из районной больницы о моем хорошем здоровье, а из районного комитета комсомола – рекомендацию для приёма меня в Академию. Все необходимые документы были отправлены почтой ценным письмом в Москву, и мы с нетерпением стали ждать ответа.

В это же время родители написали в Москву бывшей жительнице нашей деревни и их ученице Смирновой Уттю – Агафье (Гале, как она позже стала себя называть) Егоровне письмо с просьбой приютить меня в её квартире на несколько дней, когда я прибуду в столицу. Та сразу же (в то время письма из Москвы доходили до нас даже за двое суток) ответила положительно, написав подробно, как доехать к ней на метро.

Наконец из Академии пришло на мое имя официальное письмо, напечатанное типографским шрифтом: мне предлагалось прибыть в учебное заведение за свой счет точно к указанному сроку для оформления слушателем.

Стали немедленно собирать меня для поездки в Москву. Добравшись автобусом до железнодорожной станции Канаш (бывшие Шихраны), я должен был купить там билет до Москвы. Но у билетной кассы почти никогда не было должного порядка: образовывалась толчея, некоторые лезли к окошку кассира без очереди, нередко возникали драки. Обыкновенному пассажиру купить билет на поезд дальнего следования было трудно, так как поезда проходили через Канаш с вагонами, уже заполненными пассажирами. Как мне рекомендовали родители, я разыскал дежурного по станции и показал ему письмо из Академии, и он помог мне, как военному, приобрести билет без очереди на поезд № 65 Казань – Москва. Билет мне достался самый дешевый – только для сидения.

В вагоне я взобрался вместе с чемоданчиком на самую верхнюю полку – багажную, жесткую – и там, конечно, без какой-либо постели улёгся спать, положив около головы чемоданчик, ручку которого почти постоянно держал рукой, чтобы его не «увели».

Хотя наш поезд назывался скорым, он шел медленно, часто останавливался на станциях, так что дорога до Москвы заняла около 16 часов.

Вышагивая с чемоданчиком в руке и постоянно оглядываясь вокруг, я нашел вход на станцию метро «Комсомольская» и здесь сразу же увидел газетно-журнальный киоск, а в нем – подробную карту-план города Москвы. И я сделал там первую московскую покупку – приобрел ту карту и по ней уточнил, что к тете следует ехать на метро до станции «Сокольники», минуя только одну станцию – «Красносельская».

На 4-й Сокольнической улице стоял дом, на первом этаже которого в комнате площадью около 16 квадратных метров жила наша бывшая односельчанка Галя Смирнова.²

В 1918 году её отца Егора расстреляли, якобы за укрывательство «излишков» хлеба. В возрасте примерно 20 лет, полуграмотная, не зная русского языка, она приехала на заработки в Москву. Через некоторое время ее познакомили с проживавшей в упомянутом доме очень старой и больной женщиной, которую Галя стала обслуживать и после смерти которой её комната досталась моей землячке.

Я появился 24 июля у тети Гали неожиданно и очень некстати: только что она справила поминки по своей умершей дочери. Однако Галя приняла меня хорошо и очень обрадовалась, когда я вручил ей родительский подарок – банку свежего деревенского меда.

Утром я пришёл в приёмную комиссию Академии, а на следующий день мне предстояло явиться на собеседование, назначенное на 10 часов утра. В казарме мне показали мою кровать, я положил под неё свой чемоданчик. Моими соседями оказались два старших лейтенанта, которые тоже поступали в Академию. Завтра им предстояло собеседование в 14 часов. Я спросил, не ошибка ли это, поскольку мне эту процедуру назначили на 10 часов. Они ответили, что не ошибаются, так как этот срок только что сообщил им секретарь. И тут я подумал, что время собеседования могли перенести, а о том, что собеседование для гражданских и военных абитуриентов (кстати, этого слова мы в те времена и не слышали) проходят отдельно, я не догадался. Соседи сильно усомнились, что меня, совсем еще мальчишку по виду, примут в Академию. Но я решил им показать, что «не лыком шит»: когда мы вместе выходили из помещения, я увидел в зале турник, залез на него и продемонстрировал лейтенантам упражнение «склёпка», чем очень их удивил.

Пользуясь свободным временем, я отправился на Красную площадь, о чем давно мечтал. Увидел там церковь Василия Блаженного, Спасскую башню с часами, Мавзолей Ленина с двумя часовыми у входа, Исторический музей и здание нынешнего Государственного универсального магазина (ГУМа). Затем вышел на Манежную площадь и посмотрел, как там рабочие разбирают и нагружают на грузовые автомашины остатки дома, располагавшегося перед гостиницей «Москва».

В тот год, когда я впервые оказался в Москве, метро обслуживало пассажиров только на участках «Сокольники» – «Парк культуры», «Курский вокзал» – «Киевский вокзал» и готовился к пуску участок «Сокол» – «Площадь Свердлова». Основным видом транспорта все еще оставался трамвай. Сохранился даже гужевой транспорт – лошади цокали подковами по булыжным мостовым. Снег на улицах не убирали полностью и можно было по нему ходить в валенках даже без галош. Галоши мы часто надевали на кожаную обувь и снимали их, сдавая в гардероб вместе с верхней одеждой.

² В начале 50-х годов этот дом снесли и на его месте построили потом другое двухэтажное, сплошь застекленное здание, где разместилась парикмахерская.

Утром следующего дня после завтрака я еще походил по Москве, снова побывал на Красной площади, где наблюдал смену караула у Мавзолея Ленина. К 14 часам я пришел в комнату приёмной комиссии, очень удивив своим появлением секретаря, спросившего, почему я не явился на собеседование к 10 часам. В этот момент к кабинету, в котором должна была проходить процедура собеседования, направилась группа очень солидных военных. Кто-то из присутствовавших абитуриентов тихо произнес, что среди них находится Д.М. Карбышев, один из руководителей Академии и будущий генерал-лейтенант. Летом 1941 года он оказался военнопленным и 18 февраля 1945 года погиб мученической смертью в концентрационном лагере Маутхаузен в Австрии.

Через некоторое время секретарь снова занялся мною. Он попросил меня приблизиться и почти шепотом сказал мне на ухо, что собеседование, на которое я не явился, уже было совершенно не нужным для меня, так как накануне ему пришлось добавить в папку с моими документами только что поступившее с моей родины письмо, касающееся прошлого моего отца, и теперь у меня нет никаких шансов быть принятым в Академию. Я догадался, что в письме наверняка сообщалось о пребывании моего отца в Белой армии и что это письмо – дело рук одного местного недоброжелателя нашей семьи.

Конечно, я сильно огорчился, но делать было нечего. Секретарь отдал мне документы, вложив их в пустую папку, которую достал из своего шкафа. Я имел право еще раз переночевать в казарме Академии, но мне стало не по себе от случившегося, поэтому, сдав постель дежурному по казарме, а также пропуск на выходе из здания, я зашагал прочь от Академии. Так бесславно закончилась моя попытка стать профессиональным военным.

Глава II

Подавленный и растерянный, я добрёл до станции метро «Кировская (ныне «Чистые пруды») и вдруг у входа увидел рекламный щит с объявлениями о приёме в вузы и среди них объявление Московского института стали (МИС) имени И.В. Сталина, которое меня очень заинтересовало. Мне понравилось само название института, содержащее слово «сталь», а также то, что это учебное заведение носило имя Великого вождя, происходившее от того же слова. Я подумал, что этот институт, без сомнения, понравился бы моему отцу и что моя учеба там подняла бы авторитет моих родителей.

27 июля рано утром, взяв с собой только папку с документами и карту-план Москвы, я отправился в Институт стали.

В приемной комиссии, ознакомившись с моими документами, мне выдали напечатанное на бланке института письмо-вызов, в котором сообщается, что 27 июля 1938 года соответствующим приказом я зачислен в это учебное заведение на металлургический факультет. Однако секретарь заметила, что я не представил фотографии размерами 3 × 4 см.

Я вернулся с фотографиями часа через три, но секретарь приемной комиссии потребовала, чтобы я прошел еще институтскую медицинскую проверку. В кабинете на первом этаже я получил справку, подтверждающую, что я здоров. Однако давление крови оказалось повышенным. Врач – очень интересная женщина средних лет – спросила, много ли я выпил сегодня воды. Именно это чрезмерное употребление газировки стало причиной повышенного давления. Наконец я закончил оформление всех документов. Студенческий билет мне обещали выдать к 1 сентября.

Побывав с целью ознакомления на всех пяти этажах института, я покинул его стены и, радостный, поехал на Стромьнку. И так как все мои дела в Москве завершились с неплохим результатом, я был счастлив. Так в этом городе началась моя юность. Теперь мне хотелось поскорее вернуться домой с доброй вестью для дорогих родителей.

...В тот день, когда я стал студентом МИСа, в Москву из Канаша приехали два моих одноклассника по Батыревской средней школе – сын местного кузнеца Саша (Александр Кондратьевич) Кузнецов и юноша из деревни Чуваш-Ишаки Миша (Михаил Прохорович) Волков. Забегая вперед, скажу, что оба они, сдав экзамены, без особых трудностей поступили в избранные вузы: первый – в Институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМиЭСХ), а второй – в Московский горный институт (МГИ). В 1943 году, будучи со своим институтом в эвакуации в Сибири, Саша с последнего курса перешел учиться в Академию бронетанковых войск, где окончил технический факультет и стал профессиональным военным – строителем танков. К пенсионному сроку он достиг звания инженер-полковника. А Миша 15 октября 1941 года вместе со мной ушел добровольно защищать Москву в составе Коммунистической дивизии, служил вместе со мной в двух воинских частях – под Москвой и в Горьком, погиб на войне. В годы учебы в столице я общался иногда и с другим земляком, студентом МГИ Володей (Владимиром Степановичем) Николаевым. Он еще подростком написал несколько стихотворений и рассказов на чувашском языке под литературным псевдонимом Мереш, который потом стал его официальной фамилией. В 1942 году Володя окончил МГИ, а после войны – Высшую дипломатическую школу. Он работал дипломатом в Индии, составил урду-русский словарь, который, к сожалению, не успел издать. Скончался он в 1971 году и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Друзья жили в студенческих общежитиях: Саша – на Лиственничной аллее возле Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а Миша с Володей – на улице 2-я Извозная в районе Киевского вокзала. В выходные дни и праздники мы ездили друг к другу.

Мой одноклассник по Батыревской средней школе Макар Толстов – брат нашего преподавателя истории Якова Тимофеевича, получивший, как и я, аттестат отличника, направил свои документы для поступления на геолого-разведочный факультет Московского нефтяного института имени И.М. Губкина. В тот день, когда я вернулся из Москвы домой, он ждал вызова. Мы договорились вместе поехать в Москву к началу учебного года. Кстати, чтобы не упоминать мне больше о Макаре, скажу сейчас же, что я с ним встретился в последний раз в своей жизни в конце учебного дня, кажется, 10 сентября на общем для наших институтов дворе. Тогда Макар дождался меня у выхода из Института стали в конце учебного дня и начал говорить, что ему не нравится его Нефтяной институт, он намерен забрать из него документы и уехать домой. Просил и меня сделать то же самое. Хотя в те дни и мне, как и ему, было очень трудно с учебой и с совершенно новым образом жизни и постоянно мучила страшная тоска по дому, я решительно отказался от предложения друга. Через год Макар поступил в военное училище, окончил его лейтенантом, участвовал в войне, остался живым, дослужившись до высокого офицерского звания, и завершил свой жизненный путь далеко не старым где-то в Сибири...

Родители стали готовить меня к отъезду: купили в Батыреве большой черный картонный чемодан с двумя светлыми замочками, пару верхних рубашек, комплект нижнего белья и другие вещи. Дали местным мастерам заказы: связать мне шерстяные чулки и варежки, изготовить портянки, пошить кожаные сапоги и свалить тонкие валенки-чесанки, которые носили с резиновыми галошами. А главное – они постарались накопить деньги, чтобы в Москве я купил себе зимние пальто и шапку, шерстяной костюм, запасные брюки, ботинки и другие необходимые вещи. Между прочим, приобретение относительно недорогой одежды и обуви было очень большой проблемой даже в Москве, приходилось с раннего утра выстаивать в магазине огромные очереди.

...Рано утром в понедельник 29 августа, придя в институт, я познакомился с бывшими выпускниками Шаховской средней школы Московской области, которые мне понравились с первого взгляда. Это были Паша (Павел Иванович) Галкин, Арсик (Арсений Дмитриевич) Беспехотный, Дима (Дмитрий Васильевич) Филиппов и Вася (не помню отчества) Рябков. И случилось так, что дальше эти ребята (кроме Васи, погибшего позже на войне)

стали для меня, как в студенческое время, так и к концу жизни самыми близкими друзьями. Всем им не было суждено окончить Институт стали и стать металлургами, так как их взяли учиться на инженерные факультеты находившихся в войну в эвакуации военных академий: Пашу и Арсика – в артиллерийскую (в Самарканде), а Диму – в воздушную им. Жуковского. Паша закончил военную службу в звании генерал-лейтенанта (в последние годы он был референтом главнокомандующего советскими войсками в Германии), Арсик – инженер-полковника, а Дима – инженер-подполковника. Арсик преподавал в Высшем артиллерийском училище в Пензе и написал множество статей и учебники по артиллерийскому металловедению и термической обработке различных металлических материалов. В начале 50-х годов, будучи молодым офицером, он участвовал за Уралом в крупных военных учениях с применением ядерного оружия, был при этом облучен и в дальнейшем жил, принимая ежедневно очень дефицитные таблетки. Он рано потерял отца (отец его был командиром крупного соединения Красной армии и активно участвовал в Гражданской войне) и вместе с младшим братом (ставшим профессором, доктором технических наук по металлорежущим станкам) воспитывался у отчима П.Н. Поспелова, одного из идеологических вождей ВКП(б) и КПСС. Арсик умер 10 декабря 1997 года в Пензе.

Крупными военными инженерами стали и другие мои институтские друзья: Афонин Владимир Павлович, Захаров Николай Михайлович, Иванов Владимир Данилович, Полухин Иван Иванович, Сорокин Юрий Николаевич, Володин Николай Иванович, Молчанов Евгений Иванович, Смирнов Николай Григорьевич, Гвоздев Сергей Васильевич и другие. Прослужив в армии офицерами и уйдя из неё с высокими воинскими званиями, они обеспечили себе, своим детям и даже внукам неплохие материальные условия жизни. Мне и нескольким моим новым знакомым дали ордера на проживание в «привилегированном» общежитии «Дом-коммуна» (который мы переименовали в «Дом коммуны»), располагавшемся относительно недалеко от института. Почти всем предстояло жить вдвоем в малюсенькой комнате, которую мы называли кабиной. Соседом мне определили симпатичного юношу из поселка Глухово (под городом Ногинск) Сергея Илюшина, с которым мы сразу же подружились. Но скоро я перешел от него к Степану Кадышеву.

Глава III

...Что же представляло собой студенческое общежитие Дом коммуны?

Он был построен в 1930–1933 годах по проекту архитектора И.С. Николаева (1901–1979) в стиле конструктивизма, архитектурные принципы которого сформулированы французским архитектором Ш. Ле Корбюзье (1887–1965). В этом доме впервые в отечественной практике были применены стальной и железобетонный каркасы, безбалочные перекрытия, горизонтальные окна, верхний свет, опора здания на столбы, плоская кровля. Все окна в комнатах были с двойными рамами, благодаря чему между наружным и внутренним стеклами можно было в холодное время хранить продукты. Свет из всех «кабин» (днем от солнца и ночью от электролампы) проходил в коридор сквозь окрашенные белилами стекла задней стенки комнат. Таким образом, в коридоре до самой ночи не требовалось дополнительного освещения. Электрические розетки имелись не во всех комнатах, поэтому в патрон электролампы, висевшей на потолке, вставляли «жулик» – черный эбонитовый патрон, имевший сбоку дырки, куда вставляли вилку со шнуром.

Стенки кабин не были хорошо звукоизолированы, что сильно мешало при выполнении домашних заданий. По обеим стенкам кабины стояли металлические кровати с матрацем, а между ними располагался узкий письменный стол. У окна перед каждой кроватью (или за ней) имелась тумбочка для продуктов и разных приборов, а на ней – небольшая этажерка с книгами, баночкой чернил, предметами личной гигиены. Одежду и полотенце вешали на стенку.

Под кровать ставили чемодан и обувь (лишь у некоторых студентов были домашние тапочки). Убирались в комнате сами жильцы. Постельное бельё меняли примерно раз в месяц жильцы, получая его на специальном складе.

Бывали случаи, когда нам досаждали клопы, с которыми мы боролись, но без большого успеха. В летнее время из-за них приходилось иногда уходить со своей постелью, чтобы ночевать на полу балкона или на плоской крыше семиэтажного северного корпуса. Зимой нам нередко приходилось мерзнуть и надевать на себя пальто и укрываться им в постели, так как теплых одеял нам не давали.

В летнее время, когда студенты разъезжались на каникулы, в общежитии проводили косметический ремонт с переналадкой отопительных батарей и покраской полов и стен.

В полуподвальном этаже поперечного здания находился небольшой с наклонным полом зал со сценой, где вечерами и в выходные дни демонстрировались кинокартины, устраивались популярные лекции, проходили спектакли, концерты и собрания. Мы покупали 20-копеечные билеты, которые нередко искусно мастерили сами и ловко «всучивали» не очень внимательному контролеру.

По утрам и нередко по вечерам мы с соседом пили чай, как правило, с куском черного и иногда белого хлеба, намазанного очень тонким слоем соленого сливочного масла и покрытого пластинкой дешевой колбасы. На обед в столовых и особенно в нашем общежитии уходило много времени, так как приходилось выстаивать длиннейшую очередь к кассе, а затем за столом ждать официантку. В Москве я впервые в жизни поел винегрет и овощной салат, борщ и окрошку, а из вторых блюд – котлеты, шницель, гуляш и азу. Сливочное масло и колбаса у нас в деревне были редкостью. При посещении кинотеатра мы иногда позволяли себе съесть порцию мороженого или выпить сидро (лимонад) и крайне редко кружку или бутылку пива. Не могу не отметить, что в довоенные годы в нашем общежитии редко кто из студентов пил водку, а я впервые употребил ее в ноябре 1940 года, когда провожал служить в армию своего двоюродного брата Александра Наперсткена.

К столовой Дома коммуны примыкал большой холл с искусственными пальмами. По выходным и праздничным дням этот холл использовали как танцевальный зал. Обычно танцевали под радиолу или играл наш институтский духовой оркестр. На танцах бывало много студенток из соседнего общежития Московского текстильного института, а также из дальних вузов – медицинских, педагогических и других, где преобладали девушки.

За холлом находился огромный спортивный зал со сценой, роялем и спортивным инвентарем. Здесь сдавали также нормы на значки ГТО первой и второй ступеней и работали разные спортивные кружки. В спортивном зале одно время работала и школа танцев. Иногда в спортивном зале проходили большие концерты, в которых принимали участие известные в те времена артисты и композиторы, включая И.О. Дунаевского. Там я слушал Вадима Козина, Изабеллу Юрьеву, Клавдию Шульженко, Ирму Яунзем, С.Я. Лемешева, И.С. Козловского, М.Д. Михайлова, Н.А. Обухову, О.В. Ковалеву и многих других певиц и певцов, как эстрадных, так и оперных и исполнявших народные песни. Но почему-то до сих пор особо помню пение эстрадной певицы Тарской, которой аккомпанировал на рояле композитор Фурман. Довелось увидеть и услышать там же великих драматических артистов В.И. Качалова, Игоря Ильинского и других. Хорошо запомнил молодого тогда поэта Алексея Суркова.

До войны из-за необходимости постоянно экономить деньги мне, к сожалению, пришлось лишь по одному разу посетить Большой и Малый театры. А в других театрах и консерватории я не был вообще. В Большом театре осенью 1939 года я слушал оперу Мусоргского «Хованщина», но не менее интересным для меня было само посещение театра. Я хорошо запомнил дату первого посещения Малого театра – 11 мая 1939 года, так как в тот день по радио объявили, что разбились два знаменитых летчика – Герои Советского Союза Анатолий Серов и Полина Осипенко.

Чего мне тогда не хватало, так это, пожалуй, хотя бы минимального внимания со стороны... девушек-сверстниц. Я был не в состоянии купить женщине цветы, пригласить её в кино или театр. Успеху у женщин мешали еще отсутствие хорошей одежды и обуви, неумение танцевать, а в основном – полное отсутствие опыта общения с прекрасным полом. На своем курсе я заглядывался на рослую, чуть курносую блондинку – русскую немку Людмилу Вегеле, учившуюся в группе металлургов-термистов. В то время я не смел заговорить с нею, но к концу её жизни (в 1989 году) мы с ней подружились. Оказалось, что в годы войны ей пришлось пострадать из-за своего немецкого происхождения, хотя она даже не знала немецкого языка.

Я часто вспоминаю теплые компании, собиравшиеся в чьей-либо комнате, где на двух кроватях и одном стуле усаживались до 10 ребят, а иногда и девчат, где рассказывали различные истории и анекдоты, читали и слушали стихи (в том числе даже запрещенные нецензурные И.С. Баркова), обсуждали важные политические и государственные проблемы, международные, театральные и иные события, иногда выясняли что-либо оставшееся непонятым на лекциях и при чтении учебников, организовывали коллективные чаепития и всей компанией съедали продукты, присланные родителями. Не поделиться ими с товарищами считалось у нас очень скверным поступком.

Бывали у нас музыкальные «посиделки»: пели и играли на гитаре, мандолине, балалайке и даже скрипке и на трубе. Многие из песен и мелодий были услышаны мною впервые и произвели на меня потрясающее впечатление.

Глава IV

В свой первый день пребывания в общежитии я застал в своей комнате компанию из нескольких ребят и одной девушки – студентки Инны Зильберман. Им, подыгрывая себе на гитаре, пел романсы, цыганские и блатные песни мой сосед Сергей. Компания почти не обратила внимания на меня, так как в это время зачарованно слушала певца. Положив чемодан под кровать, я сразу же увлекся пением, пораженный новыми для меня песнями, так как у себя на родине их не слышал. После 23 часов в дверь громко постучал и вошёл староста этажа, приказавший нам немедленно разойтись. Гости ушли, мы с соседом потушили свет и крепко уснули. Так с 29 августа 1938 года я начал свою жизнь в Москве. На следующий день, проснувшись рано, умывшись и кое-как позавтракав захваченной еще из дома деревенской пищей (черным хлебом, чувашской колбасой «шортан») и запив её сырой водой из водопроводного крана, я отправился проведать своих земляков, работавших на строительстве автосборочного завода «КИМ» (будущего автозавода им. Ленинского комсомола, или «Москвич»).

31 августа мы с ребятами отправились на поиски авторучек для записи лекций. Более опытный среди нас Степан Кадышев посоветовал посетить специализированный магазин на Арбате. Мы приобрели также несколько толстых общих и тонких ученических тетрадей, карандаши и точилку для них, линейки, угольники, ластик, циркуль типа «козья ножка».

Первый день учебы в институте начался с лекции по политической экономии, длившейся два часа с 10-минутным перерывом. Её прочитал доцент Бабич, одетый в черную гимнастерку, на которой был прикреплен орден Боевого Красного Знамени, по-видимому, полученный им за какой-то подвиг на Гражданской войне. Слушая лекцию, я понял, что лектор пользуется материалами из многократно переиздававшегося учебника начала 30-х годов «Краткий курс политической экономии», автором которого был видный экономист Л. Сегаль, объявленный «врагом народа». Этот учебник имелся у нас дома: отец занимался по нему, будучи студентом местного педагогического института. Я было хотел попросить отца прислать мне этот учебник, но не успел: примерно через пару месяцев вместо политической экономии мы стали изучать «Основы марксизма-ленинизма» по только что вышедшему «Краткому курсу истории ВКП(б)».

Мои однокурсники на всю жизнь запомнили Георгия Ивановича Левина, доцента (без ученой степени), читавшего нам лекции по аналитической и начертательной геометрии. Это был 60-летний, невысокого роста человек, с пышными черными усами, в очках. Левин сразу же заворожил слушателей. Он говорил достаточно громко, чётко, интересно, иногда прерывая лекцию оригинальными отступлениями и шутками. Кроме того, он очень хорошо рисовал мелом на доске геометрические фигуры, проводя абсолютно прямые линии, и красиво воспроизводил буквы и цифры. При этом слушателям совсем не трудно было записывать самое необходимое, о чем говорилось в лекции. Урна с прахом Г.И. Левина, умершего в 1951 году, захоронена на Донском кладбище, и его могилу я иногда навещаю одновременно с могилами трех институтских друзей.

Конечно, в институте были и другие замечательные лекторы. Например, зав. кафедрой сопротивления материалов проф. Александр Николаевич Гениев, одновременно преподававший в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Он ходил в зеленой военной гимнастерке с черными петлицами на воротнике, был очень темпераментным и рисовал схемы мелками различного цвета. Для туго соображавших студентов и особенно для студенток он был очень страшен. Отличными преподавателями были профессора-немцы Карл Францевич Неймайер и Владимир (Вольдемар) Николаевич Рудбах (заведовал кафедрой прокатки). К сожалению, до слушания лекций этих профессоров я не доучился. Нам преподавал также бывший князь Николай Алексеевич Путята, вернувшийся после Октябрьской революции из заграницы специально для того, «чтобы помочь родине хотя бы обучением кадров». Он был очень интеллигентен, но одет бедно.

Вторая неделя учебы оказалась отличной от первой тем, что в один из первых дней из студентов разных групп образовали отдельные языковые группы для изучения английского и немецкого языков. Услышав от некоторых ребят, что английский язык значительно проще по грамматике и более распространен в мире, чем немецкий, о котором я уже имел неплохое представление, я записался в английскую группу. Мне пришлось заниматься там, но всё же больших успехов в английском я так и не достиг. Мне очень не удавалось произношение.

Были у меня трудности и с другими предметами и даже появились сомнения в возможности продолжения учёбы. Правда, друзья всегда помогали мне устранять непонятое, но иногда удивлялись моей сообразительности.

Отец решительно возразил против моего возможного ухода из института и просил меня не забывать, что семья потратила на меня очень большие деньги. В своих письмах он интересовался, не голодаю ли я, не слишком ли экономлю деньги. А вскоре я получил поддержку своего нового друга и соплеменника – Степана Кузьмича Кадышева, до приезда в Москву проживавшего в чувашском селе около небольшого города Кузнецк Пензенской области. Я заметил, что к Степану каждый вечер и в каждый выходной день приходит очень много ребят и девочек. Причиной таких посещений оказалось то, что Степан легко решал даже самые сложные математические задачи и помогал в этом товарищам. Конечно, и я стал пользоваться помощью Степана, и он стал мне не только самым необходимым другом, но и моим опекуном, советчиком и покровителем. Это было связано с тем, что я был с ним «одной крови», а с другой – был еще неопытным юнцом, требовавшим присмотра старшего. Степан был старше меня на 7 лет и за свои 24 года жизни, которая прошла у него далеко не сладко, успел уже многое повидать и испытать. Благодаря Степану у меня появилась твердая уверенность в возможности дальнейшей учебы в институте. У Степана было всего две белые рубашки, но к каждой из них имелось около десятка крепко накрахмаленных воротников, которые пристегивались к рубашке с помощью пуговиц и запонки. Так же было и с манжетами. Во время завтрака и ужина Степан ел в основном черный хлеб, намазывая его очень тонким слоем соленого сливочного масла и запивая такой бутерброд сладким чаем, иногда даже не заваренным.

В один из выходных дней перед праздниками 7–8 ноября 1938 года Степан, я и еще несколько ребят впервые посетили Мавзолей В.И. Ленина. А 7 Ноября вместе с большой группой из нашего института я впервые участвовал в демонстрации и прошел через Красную площадь мимо мавзолея, на трибуне которого стояли руководители государства во главе с И.В. Сталиным. Однако разглядеть его хорошо мне не удалось, так как до мавзолея было довольно далеко, а кроме того, мешали флаги и плакаты.

Зато в середине декабря мне и некоторым моим товарищам совершенно неожиданно представился случай увидеть совсем близко – в нескольких шагах от себя – почти всех высших руководителей нашего государства: И.В. Сталина, В.М. Молотова, М.И. Калинина, К.Е. Ворошилова, Л.П. Берия, Л.М. Кагановича и других, а также видных военных деятелей. Это случилось в связи с тем, что 15 декабря во время испытаний нового самолета разбился «великий летчик нашего времени» В.П. Чкалов. (Кстати, он был депутатом Верховного Совета СССР от Чувашской АССР.) Через пару дней состоялись его похороны на Красной площади, куда в качестве «народа» привели и нас – студентов МИС и других вузов. Я хорошо запомнил, что Сталин был одет в очень дорогую короткую шубу черно-бурого цвета, на голове у него была меховая шапка-ушанка с опущенными из-за мороза «ушами», а на ногах – белые теплые бурки вместо привычных черных кожаных сапог.

Кстати, «великого и любимого вождя» И.В. Сталина и его соратников мне доводилось видеть на трибуне Мавзолея до войны еще 4 раза во время демонстраций 1 Мая и 7 Ноября 1939–1941 годов. Все демонстрации проходили очень весело, с пением, с музыкой духовых оркестров и танцами, с частыми остановками и нередко даже с распитием спиртных напитков.

Последний раз я очень хорошо видел И.В. Сталина после войны на трибуне Мавзолея в теплый и солнечный день 1 мая 1948 года. Одет он был тогда в военную гимнастерку Генералиссимуса.

...В конце декабря 1938 года мы благополучно сдали в институте все положенные зачеты по изучавшимся дисциплинам. И вот наступил первый день нового, 1939 года. Но мы его особо не встречали: елок не ставили, в компании не собирались, не напивались, тостов не произносили.

5 января вечером меня попросили спуститься ко входу в Дом коммуны, чтобы встретить каких-то посетителей. Я быстро прибежал туда и, к великому изумлению, обнаружил, что это были... мои отец и мать. Мама, увидев меня, воскликнула: «Сынок, как же ты вырос!» Мне не составило большого труда получить в комендатуре разрешение, чтобы родители пожили у меня несколько суток. Я познакомил родителей со Степаном, с которым они легко нашли общий язык. После хорошего совместного ужина Степан уступил свою кровать моей маме, а я в ту ночь в последний раз в жизни спал с отцом, как в детстве – в одной постели.

Обратную дорогу от станции Канаш до Батырева родителям пришлось преодолеть в открытом кузове грузовика, и, как рассказывала позже мать, отец тогда простудился и сильно заболел. Когда 10 февраля отец скончался, мама решила не вызывать меня телеграммой на его похороны, чтобы этим не затруднить мне предстоящую пересдачу экзамена. Узнав о смерти отца, я дал себе клятву, что впредь буду учиться только хорошо.

В конце февраля 1939 года в институте организовали с индексом «Г» третий факультет. Он должен был готовить специалистов для оборонных предприятий и для производства стальной продукции военного назначения. В связи с этим сформировали для нового факультета деканат и соответствующие группы студентов, в число которых, конечно, не без тщательной проверки анкетных данных и состояния здоровья включили и меня.

Деканом нового факультета назначили маленького ростом и ходившего в зеленой военной гимнастерке без петлиц доцента – типичного еврея Якова Ханановича Сартана, а его заместителем – молодого доцента Николая Огилько, носившего черную гимнастерку. Оба они очень хорошо относились к своим подопечным. Забегая вперед, скажу, что осенью 1941 года

Я.Х. Сарган, будучи комиссаром какого-то большого соединения народного ополчения, воевавшего с немцами в районе Вязьмы под Москвой и оказавшегося во вражеском окружении, попал в плен, пробираясь к своим в одежде простолюдина. Однако нацисты, как известно, люто ненавидевшие евреев и тщательно осматривавшие каждого пленного, похожего на еврея, почему-то не усмотрели в отрастившем большую черную бороду и одетом в лохмотья Саргане человека этой национальности и отпустили его на волю. Я.Х. Сарган пробыл в тылу врага примерно два месяца, пока местность, в которой он находился, не освободили от оккупантов. Но у своих людей нашему декану пришлось трудно: к нему сильно придрались за то, что он, будучи типичным евреем и к тому же комиссаром, остался жив на оккупированной территории. Его чуть не расстреляли, но он каким-то образом выкрутился. Однако после этого ему больше не пришлось работать в Институте стали, он смог устроиться лишь рядовым инженером на Московский метизный завод «Пролетарский труд». Тут-то я его застал начальником заводской лаборатории в 1951 году, когда приехал в командировку на этот завод со своего предприятия в Горьком.

Глава V

В начале июля 1939 года я отправился в родную деревню на летние каникулы. На серьезные события, разворачивавшиеся в то время внутри страны и вне её, я, как и многие молодые люди, тогда не обращал особого внимания и сильно не задумывался над ними. А между тем надвигалась война, и руководство страны усиленно готовилось к ней, укрепляя, но и, к несчастью, также ослабляя из-за репрессий Красную армию, точнее – Рабоче-крестьянскую Красную армию (сокращенно – РККА). Одновременно оно усиливало трудовую дисциплину, обучало население военному делу, а главное, увеличивало выпуск военной техники.

15 марта 1938 года И.В. Сталин после соответствующего судебного фарса расстрелял своих бывших главных соратников – Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других. А только за три дня до этого Германия присоединила к себе Австрию. Летом того же года на Дальнем Востоке у озера Хасан шли сильные бои наших войск с японцами. В сентябре 1938 года Мюнхенскими соглашениями Германии была отдана пограничная с нею Судетская область Чехословакии, а в декабре в нашей стране вышло постановление, согласно которому за три опоздания на работу виновнику полагалось увольнение.

В начале 1939 года в Испании установился диктаторский режим генерала Франко, а в марте Германия полностью оккупировала Чехословакию и начались переговоры представителей Великобритании и Франции с правительством нашей страны о гарантировании безопасности Польше, Румынии, прибалтийским и другим государствам от возможной германской агрессии. Летом в Монголии произошли упорные бои советских войск с японскими у озера Халхин-Гол (там сложил тогда голову мой однодеревенец Николай Гладков).

... Часть июля и первую половину августа 1939 года я в последний раз в своей жизни поработал вместе со сверстниками на поле родного колхоза при уборке урожая: вязал снопы, укладывал их в скирды и привозил их на общее гумно. Много купался, гулял, ездил на велосипеде, общался с друзьями и особенно много – со старшим двоюродным братом Александром Егоровичем Наперсткиным, обучавшимся на последнем курсе Марийского (Йошкар-Олинского) лесотехнического института.

А пока я находился в деревне на летних каникулах, в августе 1939 года руководство нашего государства приняло судьбоносное решение о заключении с Германией договора о ненападении, а позже имели место секретные договоренности о разделах сфер влияния обоих государств, о судьбе Прибалтики и Бессарабии.

1 сентября 1939 года осталось известным тем, что в этот день Германия напала на Польшу, после чего Великобритания и Франция объявили войну Германии, и так началась Вторая мировая война.

17 сентября наши войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Для проведения этой операции были мобилизованы даже несколько наших студентов-старшекурсников, отслуживших ранее в армии, и особенно – имеющие командирские звания.

В институте у нас большое значение стали придавать изучению предмета «военное дело», занимавшего 140 учебных часов. По этому предмету, посвященному в основном действиям пехоты, нам пришлось летом 1940 года держать экзамен, который я сдал на пятерку. Кафедрой военного дела в те годы руководил авиатор майор Осинцев, преподавал предмет пожилой полковник – артиллерист Горин, который был очень интеллигентным и добрым человеком. Забегая вперед, отмечу, что на занятиях по военному делу мы хорошо изучили трехлинейную винтовку образца 1891/1930 годов конструкции С.И. Мосина (калибра 7,62 мм) и даже стреляли из неё боевыми патронами. Это происходило тогда, когда осенью 1939 года у нас принимали нормы на значок «Ворошиловский стрелок», для чего мы специально посещали тир на физкультурном стадионе кондитерской фабрики «Ударница».

Однажды в один из прохладных, но сухих дней конца апреля 1940 года полковник Горин повёз нас на электричке с Курского вокзала до станции Битца, где местность была хорошо пригодной для военной учебы, и Горин провёл здесь с нами практическое занятие по отработке тактики боя, включая перебежки, лазания по-пластунски и пр. Всё проходило очень весело.

Еще одним незабываемым для меня и моих друзей событием, связанным с изучением предмета «военное дело», была сдача норм на значок ПВХО. В один из теплых майских дней 1940 года нас привели в Нескучный сад и заставили спуститься в глубокий овраг. В этом овраге находился деревянный барак, предназначенный специально для сдачи норм на значок ПВХО. В том бараке, хорошо загерметизированном, нас заставили надеть противогаз и «противоипритный костюм», усадили на скамейки и заполнили помещение ядовитым газом (по-видимому, хлорпикрином). Через некоторое время нас выпустили. Так мы все благополучно сдали нормы на значок ПВХО.

В апреле 1940 года в институте организовали курсы пулеметчиков, которые вел один из студентов, отслуживших ранее в армии, третьекурсник Котов. Я очень хотел записаться на них, но Степан Кадышев, еще ранее «уполномоченный» моим покойным отцом всячески следить за мной, не дал мне это сделать.

Комсоргом нашей группы был тогда Боря (Борис Сергеевич) Денежкин, родом из Армавира. Отец его погиб в Гражданскую войну, и мать вышла снова замуж за друга отца, но вскоре умерла. Однако отчим очень хорошо относился к Боре и вырастил его. В 1940–1941 годах мы с Борей активно занимались в кружке по дзюдо. После окончания пулеметных курсов он летом 1941 года ушел добровольно на фронт и осенью того же года под Вязьмой попал в плен. В апреле 1945 года где-то под Берлином Боря был освобожден из плена и в составе Советской армии принял участие во взятии этого города, за что получил соответствующую медаль и медаль «За победу над Германией». Осенью 1945 года он вернулся в Москву для продолжения учебы в Институте стали, который и окончил в конце 1947 года. В конце 60-х годов его взяли на работу в ЦК КПСС, а оттуда – в Министерство черной металлургии СССР и в руководство аппарата стран СЭВ. Он умер от инфаркта в июне 1990 года.

В середине ноября 1939 года в институте состоялась лекция молодого полковника о международном положении. Она была для нас очень интересной. При этом лектор лихо прогнозировал для СССР блестящие военные перспективы. Он заявил, что вскоре Финляндия будет в составе СССР, так как «вот-вот начнется война с этим мелким государством, а после того,

как болота на границах и внутри Финляндии замерзнут, наши танки легко домчатся до Хельсинки».

И действительно, 30 ноября началась Финская война. Некоторые студенты и аспиранты нашего института, как и других вузов, предприятий и организаций, подали заявления с просьбой о включении их в состав лыжных батальонов, направляемых на фронт против «белофинов». Я подумал было сделать то же самое, но Степан решительно отверг моё намерение.

По окончании зимней экзаменационной сессии в январе 1940 года я получил от профессора института бесплатную путевку «за хорошие показатели в учебе и активность в общественной жизни» и отправился на 12 суток в Дом отдыха «Ильинское» на берегу Москвы-реки.

Примерно в середине марта 1940 года война с Финляндией закончилась миром. А в апреле немцы оккупировали Данию и Норвегию и внезапно начали молниеносное наступление на границах Нидерландов и Бельгии. Захватив оба эти государства, они ворвались с севера на территорию Франции и вступили в Париж.

7 мая 1940 года в Красной армии ввели генеральские звания. Генералы не имели тогда погон, но их мундиры делались с петлицами на воротнике, на которых были предусмотрены от одной до четырех звездочек в зависимости от звания генерала: майора, лейтенанта, полковника, армии. Разумеется, большой интерес вызвал у всех список с фотографиями генералов и сведениями о них.

...Третий семестр учебы на втором курсе у нас завершился на месяц раньше, чем на других курсах: в мае мы сдали все положенные зачеты и экзамены и перешли на третий курс. Это произошло потому, что всех второкурсников направляли в июне на первую месячную ознакомительную практику на предприятия. Многих послали на юг – на Украину. Моя группа, как и еще две группы, специализировавшиеся по прокатному производству, поехала на Днепровский металлургический завод (позже комбинат) имени Ф.Э. Дзержинского в Днепропетровске. Конечным пунктом для нашего поезда оказался Днепропетровск. Я тогда не мог вообразить, что через два года именно в этом городе будет решаться вопрос моей жизни и смерти и что позднее многое в моей судьбе будет связано с Днепропетровском.

В то время на заводе начинал свою карьеру Л.И. Брежнев. Главным инженером предприятия был Ф.С. Таранов, а главным энергетиком – В.А. Герасименко, которые сразу после войны переехали жить в Москву и заняли руководящие должности в Министерстве черной металлургии СССР. С последними двумя мне пришлось потом работать вместе, а позднее хоронить их.

Тогда в Днепропетровске из громкоговорителей мы узнавали о событиях в нашей стране и в мире. Нас особенно потрясали вести об успехах германской армии на французском фронте. 22 июня 1940 года мы узнали, что Франция капитулировала.

В то лето в нашей стране её руководство, готовясь к неизбежной войне, приняло ряд новых, очень серьезных мер. Началось создание специализированных по профессиям ремесленных (РУ) и профессионально-технических (ПТУ) училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), куда стали направлять подростков. Они получали форменную одежду – шинели, пиджачки с петлицами и фуражки с соответствующими эмблемами.

26 июня вышло постановление об упорядочении трудовой дисциплины, введении семидневной рабочей недели и о переходе на 8-часовой рабочий день с семичасового, установленного в 1927 году. За опоздание на работу на 20 минут полагалось удержание в течение полугода 25 % месячной зарплаты, а прогул без уважительных причин – отдача под суд и удержание 25 % зарплаты, за самовольный уход с работы грозило тюремное заключение на срок от 2 до 6 месяцев.

Летом 1940 года наши войска вступили на территорию Бессарабии и Западной Буковины, отняли их у Румынии и присоединили к СССР. В августе произошло официальное принятие Литвы, Латвии и Эстонии в состав нашего государства.

В августе я закончил свои летние каникулы и снова выехал в Москву. В этот день ни я, ни мои родные не предполагали, что я возвращусь домой только через 6 лет и больше не увижу многих своих земляков. Из нашей деревни ушли на войну около 250 мужчин, из которых 110 погибли.

Мама вручила мне маленький чувашский «талисман», который должен был уберечь меня от возможных больших бед, болезней и других несчастий и, конечно, от смерти. Он представлял собой тоненький бумажный пакетик размером 2 × 3 см, внутри которого находились несколько черных зернышек от цветов местного ядовитого и наркотического растения (не знаю, как оно называется по-русски) и кусочки суровой некрашеной нитки из конопляной пеньки. Но эта нитка была необычной. Дело в том, что когда в нашей деревне, а также в соседних чувашских деревнях и селах кто-нибудь умирал, то сразу же после предания покойного земле всем присутствующим раздавали непосредственно на кладбище отрезки упомянутой нитки. Так вот, в моем «талисмани» были кусочки от такой нитки, которые вручались при похоронах отца и маминой мамы – бабушки Феодосии. Кроме того, говорили, что накануне мама продержала эту нитку одну ночь намотанной вокруг отцовского надгробия и бабушкиного креста.

При возникновении большой опасности или перед необходимостью преодоления сложного препятствия (например, перед сдачей экзамена, визитом к начальству с серьезной просьбой) следовало, как наставляла мама, вынув данный талисман, положить на него пальцы и решительно сказать про себя или вслух слова «Я одержу победу», «Я выздоровею», «Я останусь цел» или другие в зависимости от конкретной ситуации. При этом требовалось вспомнить своих близких покойных и просить у них помощи.

Глава VI

Уже в самом начале занятий в 1940 году многим студентам в институте пришлось испытать большую неприятность. Дело в том, что во всех вузах страны ребят со второго курса, годных к военной службе, включая и моего земляка Ивана Воробьева, успешно окончившего первый курс МИЦМиЗ, забрали в армию и направили на краткосрочные курсы в военных училищах, где из них готовили лейтенантов.

Но это еще не всё: во всех гражданских вузах страны ввели плату за обучение и потребовали её срочно внести. В нашем институте полагалось внести за учебный год 650 рублей.

На третьем курсе мы начали изучать дисциплины, непосредственно относящиеся к нашей будущей специальности: детали машин, физическую химию, металлографию, теорию металлургических процессов, электротехнику, теплотехнику, металлургические печи, теорию механизмов и машин, грузоподъемные машины, минералогию и кристаллографию.

В начале осени 1940 года руководство СССР, стремясь максимально экономить в стране во всём, ввело в действие порядок, согласно которому военнослужащие, отслужившие свой срок в Красной армии, должны были после демобилизации возвращаться домой не в красивом военном обмундировании, как это было раньше принято, а в той, как правило, старой одежде и обуви, в которых они были призваны на службу. Сразу же после введения этого порядка мне довелось встретиться на Казанском вокзале в Москве с демобилизованными из армии земляками, уезжавшими на родину. Им было очень стыдно предстать дома перед близкими людьми в своей старой одежде.

В первых числах октября того же года вузовцев страны сразил еще один страшный удар: стипендию решили платить только тем, кто на экзаменах получил только отличные и хорошие оценки. Таких студентов набиралось не более 20 %. Я, к несчастью, к их числу не относился, так как имел одну тройку. Пришлось сообщить маме о постигшем меня новом несчастье. В это время у нее на руках было трое детей, а мой брат Геннадий учился в Институте

военных инженеров железнодорожного транспорта в Новосибирске. Хотя он и получал высокую стипендию и носил казенное обмундирование, ему тоже требовалась денежная помощь. Чтобы добывать необходимые деньги, моей матери-учительнице пришлось взять в начальной школе много дополнительных часов работы и перевести двух моих братьев из Батыревской средней школы на учебу в местный педагогический техникум, где учащимся платили небольшую стипендию.

У нее в деревне имелся большой приусадебный участок и яблоневый сад, немалое поголовье скота (корова, телка, до 15 овец, не менее двух свиней) и птицы (до 30 кур), а в саду стояли 12 пчелиных ульев. Мама продавала местным жителям яблоки, мед и еще что-то, чтобы не тратить деньги, которые она зарабатывала в школе. Ей приходилось работать с раннего утра до поздней ночи, не зная отдыха и питаясь кое-как. После войны, в которой участвовали трое её сыновей, она была удостоена высокого звания заслуженной учительницы школ Чувашской республики, награждена медалью «Материнская слава», орденом Ленина, а также другими медалями. Умерла мама 6 сентября 1980 года в возрасте 82 года (без 21 дня).

...Итак, я остался студентом МИС, но, к моему большому несчастью, Степану Кадышеву пришлось бросить учебу в институте. Некоторые устроились работать на строительстве Дворца Советов и стали жить в общежитии. Осенью 1941 года дом, где было это общежитие, разрушило бомбой, и дальнейшая судьба этих ребят мне неизвестна.

В середине октября белоруса Костю (Константина Петровича) Демидова, а потом и Степана Кадышева, остриженных наголо, мы проводили с вещами в расположенный на улице Шаболовка клуб кондитерской фабрики «Ударница» (ныне это восстановленная церковь Живоначальной Троицы). Там собирали молодых призывников и оттуда отправляли по разным городам служить в армии. Степан через месяц прислал мне письмо, в котором сообщил, что служит рядовым в одном из воинских частей под Владивостоком. Я написал ему ответ, но на этом наша связь оборвалась.

...После отъезда Степана моим соседом по комнате стал Иван Григорьевич Митрофанов родом из-под Арзамаса. С ним, с 1947 года живущим с семьей в Волгограде и проработавшим там до ухода на пенсию крупным инженером на металлургическом заводе «Красный Октябрь», я продолжаю дружить.

В отличие от Степана, Иван не занимался опекуном надо мной. Мы записались с ним в только что организовавшиеся институтские спортивные секции.

Особое место в нашей студенческой жизни занимал спорт. Во время тренировок в секции дзюдо, проводившихся не менее двух раз в неделю в течение двух-трех часов, мы укрепляли, усиливали и делали более гибким тело и обучались различным приёмам борьбы, имевшим конечную цель – положить противника на обе лопатки. Учились падать так, чтобы не сломать руки и т. д. Мы выполняли и гимнастические упражнения. Я мог делать на турнике до 15 подтягиваний и совершать сложные упражнения. Но брусья, кольца и конь мне давались плохо. Но уже через месяц я значительно укрепил ноги, увеличил силу отталкивания и научился быстро сжиматься в комок при падении, так что стал иногда в коридорах института или общежития, разбежавшись и высоко подпрыгнув, совершать, как циркачи, акробатический номер – «мертвую петлю» с поворотом тела как вперед, так и назад. Все любили смотреть, как забавно боролись я и Виталий Лукоянов, имевшие вес «мухи» и поэтому чрезвычайно быстро двигавшиеся с самыми различными поворотами и сменами положений. А у борцов с большим весом этого не было, и зрители воспринимали их не с таким интересом.

В начале декабря 1940 года наша институтская команда борцов дзюдо впервые приняла участие в московском общегородском юношеском соревновании по данному виду спорта. Тренер посоветовал нам сходить накануне в баню и сильно попариться, чтобы максимально уменьшить свой вес, что мы и сделали. Утром нас привезли на стадион Юных пионеров (у метро «Динамо»), где зарегистрировали и сразу же взвесили. После этого мы отправились в ресто-

ран, где бесплатно хорошо поели высококалорийной и жирной пищи, чтобы теперь, наоборот, увеличить свой вес и этим в какой-то мере затруднить действия противника.

На соревновании я обе схватки легко выиграл, причем первую – досрочно. Хорошо поборолись и мои товарищи по команде. В результате мне присвоили квалификацию борца третьего разряда. Аналогичные соревнования состоялись в феврале, апреле и в начале июня 1941 года. Кроме того, мы участвовали еще в мелких (типа межвузовских и районных) соревнованиях. К июню по результатам всех соревнований я стал борцом первого разряда. Однако в последнем общегородском юношеском соревновании, которое проходило в начале июня 1941 года, в противники мне попался коварный татарский юноша, который во время борьбы незаметно (а может быть, и заметно) для судей сильно и больно ударил меня ногой в пах. Я разозлился, не сдержался и громко выругался по-татарски, чем на миг ошеломил противника и сумел бросить его на обе лопатки. Схватка этим закончилась, я обрадовался, думая, что победил. Но судья, подняв руку противника, объявил победителем его, а меня дисквалифицировал за грубость. Так моё увлечение борьбой закончилось...

...В начале третьей декады октября 1940 года меня, Ивана Митрофанова и некоторых других студентов вызвали в институтский комитет комсомола. Здесь нам сказали, что мы, как активные комсомольцы и спортсмены, должны принять участие в военном параде на Красной площади 7 ноября в составе батальона, носящего название «Вооруженный пролетариат». Такой батальон, состоявший из мужчин, одетых в гражданскую одежду и с винтовками со штыками, выступал тогда на всех военных парадах на Красной площади, замыкая батальоны из военнослужащих. «Вооруженный пролетариат» должен был показать «мировому капиталу», что «все советские люди готовы с оружием защищать социалистическое отечество». В качестве правофланговых в таком батальоне обычно находились переодетые в гражданскую одежду опытные военнослужащие.

На тренировках нас учили хорошо маршировать, соблюдать абсолютно прямую шеренгу из 12 человек, а потом красиво шагать с винтовками. Погода в это время была дождливая, но на это не обращали внимания, однако наша промокшая одежда не успевала за ночь полностью высохнуть.

За пару суток перед парадом поздно ночью нас привезли на Манежную площадь для генеральной репетиции. День 7 ноября выдался хмурым и с мелким дождем. Было холодновато. С рассветом мы прибыли на Манежную площадь. Пока принимавший парад нарком обороны маршал С.К. Тимошенко объезжал нас на коне, мы громко кричали «Ура!». Потом С.К. Тимошенко с трибуны Мавзолея произнес речь (зачитал текст), и, наконец, мы промаршировали под музыку большого оркестра через Красную площадь мимо Мавзолея. На его трибуне, приветствуя нас, стояли И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.И. Калинин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович и другие руководители страны, а также несколько генералов и гражданских лиц.

После парада нас за государственный счет хорошо – с бутылкой пива – накормили вкусным горячим борщом и гуляшом. Так я в первый и последний раз в своей жизни принял участие в военном параде.

За несколько дней до ноябрьских праздников в нашем институте вывесили объявление о том, что активные комсомольцы, имеющие рекомендацию от райкома комсомола, обладающие соответствующим здоровьем, могут быть направлены на учебу в Московский аэроклуб, чтобы приобрести профессию летчика. Из нашей группы Ася Рязанова – девица на вид совсем неброская и очень хотевшая чем-то отличиться – первой откликнулась на это объявление и предложила мне вместе с ней записаться в аэроклуб. Я сразу согласился, а другие ребята почему-то отказались. Мы с Асей добились в райкоме рекомендации и через пару дней после праздников поехали с документами в аэроклуб.

13 ноября прошли через медицинскую комиссию. Мои нервы, сердце, легкие, желудок, ноги, руки, глаза, уши и другие органы врачи признали годными. Но с носом они крепко ошиб-

лись. Дело в том, что мне дали понюхать раствор валерианы, который у меня на родине называли не валерианкой, как в Москве, а каплями Иноземцева. Так я и ответил на вопрос, что это за раствор. Врачи же подумали, что я не различаю запахов и поэтому говорю им о каких-то каплях. В итоге они признали меня непригодным для учебы «из-за отсутствия очень важного для летчиков чувства обоняния». Мои же объяснения они не приняли всерьез, утверждая, что валерианку знают все люди. Таким образом, меня забраковали, и это сильно обидело меня, но в основном лишь из-за того, что я стал «жертвой» врачей. Асю же приняли в аэроклуб, и она там успешно занималась вплоть до начала войны, но куда делась потом, не знаю...

...На следующий же день чувство обиды за своё вчерашнее «поражение» у меня совсем исчезло, потому что ко мне приехал мой любимый двоюродный брат Саша Наперсткин. Его призвали в армию и определили лейтенантом в воинскую часть где-то под Тбилиси. Мы сразу же сфотографировались на память, выпили и закусили за его счет вместе с моим соседом Иваном. До июня 1941 года Саша учился в Тбилиси на курсах повышения квалификации среднего командного состава, в войну служил в Иране офицером в составе советских войск и воевал с немцами в Венгрии и Австрии. После Победы он нес службу в Австрии, где его, как он рассказывал, очень любили австриячки. Демобилизовался Саша в сентябре 1946 года.

16 ноября у меня появился другой старший брат, но троюродный, тоже Саша Наперсткин, по отчеству – Семенович, который в детстве делал мне разные игрушки. Одет был Саша очень бедно – в сильно поношенные фуфайку и старые рваные ботинки. Оказалось, он привёз мне от мамы посылку с продуктами и теплыми носками. Задерживаться гость не стал: ему, также призванному в армию, надо было быстро присоединиться на Киевском вокзале к другим призывникам и отправиться на место службы где-то под Львовом. Так он и уехал, а я его не проводил, о чем потом очень пожалел, поскольку наша встреча оказалась последней – он погиб в первые же дни войны...

...В ноябре группа наших студентов во главе с четверокурсником Лёвой (Львом Николаевичем) Филимоновым (будущим профессором, доктором наук) – рослым и здоровым блондином – подрядилась разгрузить за 24 часа огромную баржу с капустой. На эту очень тяжелую физическую работу пригласили и меня, предупредив, что придется пропустить занятия и работать всю ночь и день без перерывов, перекусывать на ходу, а тот, кто не выдержит, уйдет с работы раньше, никаких денег не получит. Я согласился.

Было темно, прохладно и очень сыро, иногда шел мелкий дождь. Мы складывали кочаны капусты в корзины, вдвоём выносили их с баржи на берег Москвы-реки и, пройдя метров 25, затаскивали в сарай и выгружали. Работал я в паре с Иваном. Из двадцати человек двое не выдержали и ушли домой, а мы получили по 56 рублей – тогда немалые деньги.

Через неделю я снова попал на такую же работу, однако на этот раз потерпел большую неудачу: после почти 30 часов непрерывного труда повредил левую ногу, поскользнувшись и упав с корзиной при выходе с баржи. Пришлось кое-как ковылять до остановки трамвая и вернуться домой. Хотя я не доработал до конца выгрузки лишь часа два, но мне, согласно уговору, ничего не заплатили. А мог бы получить около 70 рублей! Было обидно до слез.

...В третьей декаде декабря 1940 года я сдал все положенные за пятый семестр восемь зачетов и даже досрочно два экзамена – по физической химии и теории механизмов и машин. Предстояло сдать в январе 1941 года еще четыре экзамена.

И вот наступил 1941 год. Накануне – 31 декабря 1940 года – установилась в Москве мягкая, не морозная и тихая погода, без солнца. С наступлением вечерней темноты повалил снег. Трамваи ходили редко, поэтому нам после ужина пришлось отправиться в институт пешком. Там мы побывали на концерте участников самодеятельности и на танцах под духовой оркестр. К часам 22 и мой сосед Иван вернулись домой опять пешком. Попили чаю и легли спать. Так мы проводили старый – 1940 и встретили Новый – 1941 год.

После сдачи экзаменов за пятый семестр, став уверенным в том, что смогу дальше учиться без особо больших усилий, включая обязательное посещение всех лекций, а главное – из-за того, что не добился права на получение стипендии и чтобы не жить только на деньги, присылаемые мамой, я в третьей декаде января 1941 года сразу же, не уходя на зимние каникулы, устроился вместе с Иваном работать на карандашную фабрику имени Сакко и Ванцетти. Трудиться на ней предстояло в цехе ширпотреба в качестве строгальщика досок и подсобного рабочего. Это предприятие, как и другие аналогичные объекты, было определено профкомом института для работы студентов и студенток, которые не получали стипендию.

По договоренности с отделом кадров фабрики и начальником цеха нам разрешили вдвоем трудиться на одном рабочем месте по 8 часов: один день был занят Иван, а другой – я. Вставать приходилось до 7 часов утра, чтобы не опоздать на смену. В качестве верхней спецодежды нам на двоих с Иваном выдали одну типичную для тех времен короткую теплую фуфайку, но не черную, как обычно, а ярко-красную. В той же фуфайке после окончания рабочего дня мы ехали в институт на занятия, которые часто проходили вечером. Поскольку работа у нас была не грязной (имели дело в основном с деревянными стружкой и опилками), одежда почти не замарывалась. Наша красная фуфайка часто бывала для наших друзей поводом для всевозможных шуток.

В начале февраля 1941 года мне и Ивану выдали аванс по 100 рублей, но в конце месяца обоим неожиданно уволили с фабрики: якобы было трудно учитывать нашу работу, поскольку мы выходим на работу через день.

Павел Галкин и еще кто-то из товарищей завлекли меня на курсы шоферов-любителей. Учёба проходила на автобазе где-то на Красной Пресне, в основном по выходным дням. Прислушав теоретический курс, мы занимались практической ездой на грузовике на специальной площадке, после чего стали ездить вместе с инструктором по улицам Москвы. Моим инструктором был очень добрый и внимательный мужчина лет около сорока с фамилией Ахчеев. К концу практических занятий он вдруг посоветовал мне никогда не садиться за руль, так как, я, по его мнению, «не обладаю спокойным характером и не чувствую машину».

В третьей декаде мая состоялись экзамены для получения удостоверения. К сожалению, мне пришлось сдавать их дважды: в первый раз я не сумел правильно ответить на один из вопросов. Через неделю на повторном экзамене я правильно ответил на все вопросы экзаменатора и удовлетворительно выполнил езду на автомашине. Однако воспользоваться этим удостоверением мне ни разу не пришлось.

В апрельские дни 1941 года мы узнали, что Германия захватила Югославию и Грецию и ввела свои войска в Финляндию, Румынию и Болгарию. Мы не понимали, насколько это плохо для нашей страны, и совершенно равнодушно отнеслись к сообщению о том, что начальником Генерального штаба Красной армии назначен генерал Г.К. Жуков, сменивший на этом посту маршала Б.М. Шапошникова.

В первых числах июня 1941 года начались экзамены за шестой семестр. И первый же экзамен – по курсу «Детали машин и грузоподъемные устройства», который я сдавал 7 июня профессору Гавриленко, я провалил, так как готовился кое-как и был слишком самоуверен. Возвратившись домой сильно расстроенным, я увидел молодого лейтенанта-пехотинца с вещевым мешком и скаткой шинели. Им оказался мой земляк Иван Воробьев из деревни Булаково, бывший студент МИЦМиЗ. В сентябре 1940 года его забрали прямо из института в армию. Он окончил краткосрочные военные курсы командиров и направлялся на место службы в Западную Украину в район Перемышля.

Меня, Ивана и еще одного своего друга он пригласил в ЦПКиО им. Горького, куда мы направились пешком. Ваня подвёл нас к пивному ларьку. Здесь он купил каждому из нас по кружке пива и влил во все кружки дополнительно по 50 грамм водки, купив её в буты-

лочке-четвертинке в том же ларьке. Мы выпили этот «ёрш» и зашли в один ресторан, где основательно угостились за счет Вани.

Утром Ваня направился на Киевский вокзал. Наверное, Ване вскоре пришлось принять первым бой с немцами и одним из первых сложить свою голову. В субботу 21 июня после сдачи экзамена остаток дня мы провели в ЦПКиО им. Горького, куда к вечеру собралось очень много молодежи. Везде играла музыка, работали аттракционы, словом, царило веселье. Мы выпили по кружке пива с добавкой к нему глотка водки и допоздна бродили по парку. Утром надо было готовиться к следующему экзамену. И на воскресенье ничто не предвещало плохого.

Часть третья Война

Глава I

Воскресенье 22 июня 1941 года в Москве выдалось теплым и солнечным. В коридорах общежития была необычная тишина. Приведши себя в порядок, мы отправились позавтракать в буфете, где, как обычно, попили чай с белым хлебом, сливочным маслом и колбасой. Вдруг в столовую ворвалась молодая женщина и закричала: «Война! Война!» Мы сначала не поверили ей. Прибежали к себе, включили репродуктор и убедились, что действительно началась война, но с Иваном не стали время терять и отправились в читальный зал готовиться к очередному экзамену. Однако в голову ничего не шло, вокруг все обсуждали происходящее. К 12 часам мы спустились в холл общежития и выслушали выступление по радио В.М. Молотова, а затем отправились в Нескучный сад, где в небольшом старинном (XVIII века) двухэтажном доме на втором этаже имелся уютный читальный зал и небольшая библиотека. Но и здесь занятия не удалось: дежурный старичок подошёл к нам и стал рассказывать, что он воевал с немцами в Первую мировую войну, что немцы очень сильны своей организованностью, но физически уступают русским, особенно в штыковой атаке. Кроме того, он сообщил, что побывал в немецком плену, помучился там от голода и унижений, но совершил удачный побег и добрался до своих войск.

В первые дни войны власти потребовали от населения проявлять бдительность, выявлять шпионов и диверсантов, соблюдать светомаскировку, т. е. закрывать с наступлением темноты окна, чтобы не было видно света, а для этого срочно изготовить и установить на всех окнах щиты. Первое время окна завешивали одеялами и вкручивали синие лампы. На стекла крест-накрест наклеивали ленты из бумаги или газет, чтобы при бомбежках стекла не разбивались от ударной звуковой волны. Была дана команда – на безопасном расстоянии от жилых зданий и сооружений вырыть окопы, они служили убежищами для людей от осколков при налетах вражеской авиации. Предписывалось иметь на крышах запасы песка и воды для тушения зажигательных бомб и возникших пожаров. Всё это было выполнено в Москве в основном в течение двух недель. Под многими жилыми зданиями были созданы капитальные бомбоубежища. Везде имелись санитарные посты. Почти все дежурные носили на плече сумку с противогазом. В разных местах начали устанавливать зенитные орудия, а также пулеметы и прожекторы.

Советское информационное бюро (Совинформбюро) публиковало оперативные сводки и вести с фронтов. 30 июня в стране был создан Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным, взявшим на себя всю полноту власти в государстве.

23 июня в Военном комиссариате Ленинского района, к которому тогда относился наш институт, нам выдали на руки под расписку мобилизационные повестки. Мы, в свою очередь, должны были вручить их соответствующему лицу, мобилизованному на войну. При этом было сказано, что вручить повестку следует лично в руки мобилизованному, а если дома его не окажется и он находится где-то в Москве или под Москвой (на работе или на отдыхе), то всё равно его трюбуется найти и обязательно отдать ему повестку.

Мне достались три повестки: одна – для мужчины, проживавшего за Калужской заставой, почти рядом с Окружной железной дорогой, вторая – тоже для мужчины, обитавшего в старом деревянном домике, недалеко от здания нашего института, и третья – для женщины-врача, квартира которой находилась в многоэтажном доме почти в конце улицы Большая Якиманка.

Мужчины были сильно возбуждены и заявляли, что обязательно «проучат» немца и быстро закончат войну. Но женщины, особенно пожилые, были очень опечалены, многие из них плакали.

На следующее утро нас позвали на очередное мероприятие. На этот раз нас распределили на три группы по 20–25 человек. Я попал в группу во главе с Лёвой Филимоновым, которая отправилась к Станкозаводу им. Серго Орджоникидзе. На проходной завода нам выдали лопаты, кирки, ломы и другой инвентарь и после этого повели к Калужской заставе. Нам предстояло выкопать несколько длинных окопов (глубиной не менее 1,5 метра), где работникам завода и другим людям предстояло прятаться при налетах немецких самолетов. Работой мы занимались бодро и весело, и она длилась почти весь световой день с перерывом на обед в столовой завода. Многие из нас, не надевшие рукавиц, нажили на ладонях волдыри. Аналогичную работу мы выполняли и в последующие дни, но уже в других местах. Ночью с 24 на 25 июня нас разбудили гудками предприятий и сирены, оповестившие о первой в Москве воздушной тревоге. Ошарашенные и удивленные происшедшим, мы выскочили в темноте на улицу и быстро заполнили близлежащие окопы. Многие люди и особенно женщины с детьми укрылись в подвалах, еще не ставших нормальными бомбоубежищами. Ребята и девушки, специально выделенные для ликвидации пожаров, сразу выбежали на крышу и верхние балконы Дома коммуны. На улице стало почти светло, но не потому, что была одна из самых коротких ночей года. Оказалось, на небе возникли огромные светлые пятна от расположенных в разных местах города прожекторов, искавших своими яркими и длинными лучами летящие на большой высоте вражеские самолеты. Кроме того, небо освещали выстрелы зенитных пушек и пулеметов, трассирующие снаряды и пули. И выстрелы, и разрывы снарядов сопровождались громоподобными звуками, к которым добавлялись еще звуки падающих осколков. Кстати, от «своих» осколков и пуль тоже надо было прятаться, но об этом мало кто догадался сразу. По этой причине в первые дни войны многие дежурные погибли или получили ранения.

Примерно через два часа после объявления тревоги по радио объявили: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!» Сразу раздались соответствующие этому сигналу гудки и звуки сирены. На следующий день мы пытались узнать, какие же объекты города пострадали от бомб. Но никто ничего не мог нам сообщить. Лишь спустя несколько дней мы узнали, что эта воздушная тревога была учебной.

...26 июня мне предстояло сдавать трудный экзамен по металлургическим печам. Понятно, что обстановка, сложившаяся перед этим, не дала мне возможности хотя бы немного подготовиться к испытанию. Кроме того, в течение учебного семестра я старался запомнить пройденный материал, занимаясь посторонними делами, – в разных кружках и на курсах шоферов. На экзаменах из трех вопросов два оказались для меня непреодолимыми. Я думал, что экзаменатор доцент А.И. Ващенко «смиляется» и хотя бы на короткое время покинет аудиторию, дав возможность подсмотреть нужный материал в шпаргалке. Но этого не случилось.

А утром 30 июня был дан приказ о срочной мобилизации коллектива на трудовой фронт. Аналогичная мобилизация проводилась и в других учебных заведениях, а также на предприятиях и в организациях Москвы.

В соответствии с этим приказом команда физически здоровых студентов всех курсов, кроме пятого (выпускного) и частично второго, находившегося на ознакомительной практике в городах, далеких от Москвы, должна была отправиться 1 июля в Смоленскую область для строительства оборонительных сооружений. В этом списке оказался и я.

Было сказано, что все отъезжающие на трудовой фронт должны срочно подготовить себе продукты питания на пару суток (до приезда на место) и соответствующую одежду с расчетом пребывания вне Москвы не более двух недель. Брать с собой одеяло и пальто не рекомендовалось, так как время было летнее. Многие говорили, что «война через пару недель закончится полной победой нашей армии над фашистской».

Моя подготовка к отъезду не заняла много времени. В имевшийся у меня брезентовый рюкзак я решил положить самые необходимые для жизни в полевых условиях вещи: катушку ниток с иглой, перочинный ножик, алюминиевую ложку, эмалированную кружку, туалетное мыло с мыльницей, пару нижнего белья и носков, два носовых платка, махровое полотенце, несколько пачек папирос, коробку спичек, батон белого и полбатона черного хлеба, немного сахара, щепотку поваренной соли в бумажке, кусочек колбасы, карандаш, авторучку и тетрадь. Зубной порошок и щетку не взял – решил в это время обойтись без чистки зубов. Вся одежда – верхняя рубашка, лыжные брюки и пиджак со студенческим билетом и 10 рублями денег в нагрудных карманах, а также обувь – брезентовые туфли с парой носков были на мне. Кепку я тоже не взял и в качестве головного убора использовал либо белый носовой платок, четыре конца которого завязывал узелками, либо полотенце. Обритая наголо голова позволяла мне легче содержать её в чистоте и избавляла от вшей.

В нашей команде было около 100 человек, но позже количество людей постепенно уменьшилось. Причины были разные. Некоторых студентов отозвали в Москву, другие добровольно ушли в действующую армию. Борис Александрович Троицкий и дзюдоист Костя Зайцев были на фронте снайперами и с войны не вернулись.

Старшим команды назначили Юрия Ломовцева, ставшего после войны профессиональным военным. Политруком команды определили секретаря комсомольской организации нашего факультета Лёву (Льва Мордуховича) Утевского. Это был очень умный, симпатичный и уравновешенный студент. Осенью и зимой 1941 года, а также в январе 1942 года я находился вместе с ним в армии сначала в одном пехотном отделении, а потом в одной артиллерийской батарее. После войны мы продолжали общаться друг с другом. Он стал доктором технических наук, но умер рано – в 1979 году. Будучи очень крупным специалистом по металловедению и термической обработке сталей и сплавов, он много работал с вредными для здоровья рентгеновскими лучами и радиоактивными материалами.

В группе моими непосредственными начальниками оказались Женя Анохин и его заместитель Нестер Крохин. В подгруппу вместе со мной по взаимному согласию входили Паша Галкин (в качестве старшего), мой сосед Иван Митрофанов, Арсик Беспехотный, Дима Филиппов, Женя Майонов, Коля Золотухин и другие очень близкие мне люди. К нам же привязался молоденький, рослый и очень красивый первокурсник Костя Зорин, впоследствии ставший одним из руководящих работников электрометаллургического завода им. И.Ф. Тевосяна в Электростали. Жили мы «колхозом», т. е. очень многое – особенно продукты и курево – были у нас общими. Нередко нам приходилось есть суп и кашу из одной посуды, поэтому мы по праву стали называть себя «однокашниками».

Несколько студентов, забрав из института свои документы, перешли на учебу в военные училища и даже в академии. Мой комсорг Борис Денежкин записался в истребительный батальон.

...Всех направлявшихся на трудовой фронт построили по 4 человека в ряд, и мы двинулись пешком по Большой Калужской улице в сторону Калужской заставы. К нам присоединились и другие команды москвичей. От Калужской заставы добрались до маленькой церкви на крутом берегу Москвы-реки (её при советской власти не закрывали, и в ней в 1955 и 1960 годах окрестили моих детей – сына Мишу и дочь Наташу) и вошли в село Потылиха. На его окраине находилась киностудия «Мосфильм», где я пытался подзаработать на массовых съемках кинофильма «Суворов», изображая австрийского солдата.

У крутого и обрывистого берега реки Сетунь мы остановились минут на 20. Посмотреть на нас вышли жители крайнего трехэтажного шлакоблочного дома (это дом № 4 по Воробьевскому шоссе, который снесли в 2013 году). Оказалось, что в той толпе стояла и 14-летняя красивая девочка с двумя косичками – моя будущая незабвенная супруга Катюша, с которой

в том же доме – в коммунальной квартире № 3 на втором этаже – я прожил полные счастья 1955–1961 годы. Там начали свою жизнь и наши славные дети.

На Киевском вокзале нас посадили группами в товарные вагоны, в которых справа и слева от раздвижной широкой двери были устроены сплошные дощатые нары. Между стойками двери имелась съёмная деревянная перекладина, на которую можно было опираться, стоя у открытой двери.

Ночью поезд медленно и с частыми остановками повез нас в сторону Калуги. Мы не раздеваясь улеглись на голые доски на полу и на нарах и крепко уснули. Наш поезд часто обгоняли воинские и грузовые эшелоны, следовавшие на фронт, и мы нередко стояли часами в чистом поле далеко от станций. Точный маршрут следования поезда нам, конечно, не был известен, и он нас даже совсем не интересовал.

Утром 3 июля на каком-то пустынном разъезде поезд окончательно остановился. Нас попросили собраться у дома начальника разъезда, где на столбе висел радиорупор, передававший различные сообщения, и я впервые в жизни услышал голос Великого вождя, выступившего с обращением ко всему советскому народу, – председателя ГКО И.В. Сталина.

Меня поразило, что Сталин плохо выговаривал русские слова, и как силен у него был кавказский акцент. «Как же так, – думал я, – ведь и я не русский, но по моему разговору почти никто моей нерусскости не заметит». У меня мелькнула мысль, что Сталин нарочно так плохо и с сильным акцентом выговаривает русские слова, чтобы этим подчеркнуть превосходство своего грузинского происхождения.

От этого разъезда нам предстоял пеший переход на расстояние около 80 километров. Погода, как и два дня назад, была солнечной и жаркой, поэтому наши «командиры» заставили всех отрезать от куска черного хлеба тонкий ломтик-«скибку», посыпать её поваренной солью и съесть без воды. Мне лично это помогло: в пути я не испытывал жажды.

В одной из деревень нам сообщили горькую весть: наши войска оставили Минск и теперь немцы быстро продвигались к Смоленску. Эта весть особенно сильно огорчила моего товарища Витю Ширина, который был уроженцем Минска.

Глава II

...7 июля примерно в 17 часов, когда солнце на чистом небе еще хорошо грело, перейдя по мосту реку Десна, мы вступили в село Екимовичи, бывшее в тогдашней Смоленской области центром одноименного района. В него кроме нас несколько раньше прибыли и другие команды москвичей. Кроме москвичей, на противоположном от нас южном конце села расположилась на обочинах шоссе большая группа заключенных, которых охраняли часовые с винтовками. Стало ясно, что село Екимовичи является конечным пунктом нашего пешего «путешествия».

Нам было сказано, что мы будем заниматься здесь рытьём многокилометровых противотанковых рвов, а возможно, и строительством ДОТов и ДЗОТов – долговременных (железобетонных) и деревянно-земляных огневых точек. Условия работы будут жесткие, дисциплина полувойсковая, самовольные отлучки или отъезды не допускаются. В этой местности могут оказаться шпионы и диверсанты, поэтому необходимо тщательно следить за появлением посторонних лиц и по возможности их задерживать и сдавать соответствующим органам.

На все виды работ имелись нормы выработки, которые требовалось неукоснительно выполнять или перевыполнять. Так, в зависимости от вида грунта, они составляют от 5 до 10 кубометров на одного человека за 8-часовой рабочий день. Предусматривался полтора-часовой обеденный перерыв. Специальной рабочей одежды и обуви не имелось. Местом работы и проживания нам определили деревню Зимницы на левом берегу Десны – против Екимовичей. Распорядившийся нами майор Стуженцов приказал нам выдать хлеб, сливочное масло и сахар, а за прошедшие 4 суток взамен продуктов он предоставил... 5 коров, которые бро-

дили стадом на полях возле Зимниц: одну можно было зарезать и мясо сварить. Эти коровы оказались «эвакуированными» своим ходом из тех мест, которые уже заняли немцы, и многие животные сильно страдали из-за того, что их долго никто не доил.

Нашей группе досталась для ночевки относительно небольшая, но новенькая деревянная постройка – сеновал, как мы её назвали, с двухскатной дощатой крышей и плоским потолком, между которыми хранилось свежескошенное и высушенное сено. Такое же сено, но в меньшем количестве, было и на его полу. Обнаружилось, что в помещении уже обосновалась другая группа – человек 20 старшеклассников из одной очень престижной московской школы, которые приехали накануне. Это были очень милые, наивные и веселые ребята.

Мы выделили из своей среды двух лиц, которые должны были заниматься организацией снабжения команды продуктами и питанием. Выбрали мы также трех студентов, которым предстояло посменно сторожить колодец с питьевой водой, чтобы её не отравили вражеские агенты. Одним из сторожей согласился быть Костя (Константин Сергеевич) Ельцов, будущий директор Запорожского электрометаллургического завода «Днепроспецсталь», Герой Социалистического Труда.

Возвратившись на сеновал, мы долго не смогли уснуть, потому что школьники под гитару распевали веселые песенки. Среди тех школьников был один очень симпатичный немецкий юноша. Видно было, что все его очень уважают. Его хотели использовать как антифашиста для выступлений на немецком языке по громкоговорителю, чтобы агитировать вражеских солдат и офицеров сдаваться добровольно в плен Красной армии. Но вскоре нас перевели на другое постоянное место жительства, и мы уже не общались с этими школьниками.

...Нашим первым рабочим местом стал участок левого берега Десны (против её течения). Этот берег был хотя и достаточно высок, но не так сильно крут, чтобы вражеский танк после переправы мог упереться в него лобовой частью. Поэтому здесь следовало создать большую крутизну берега на участке длиной примерно в 300 метров. Дальше между рекой и полем простиралась широкая (местами шириной не менее 500 метров) пойма. Она имела длину не менее 3 км. Здесь нам предстояло вырыть глубокий и широкий противотанковый ров, а также ров между деревней и Десной. Насколько я помню, ширина противотанкового рва (рис. 1) составляла 7 метров и более, глубина – от 2 до 2,5 метра, а иногда и меньше, если появлялась грунтовая вода. Движению танка должна была воспрепятствовать почти вертикальная (с уклоном в 10–12 градусов) лобовая стенка рва высотой от 2 до 2,5 метра, а сам танк должен был остановиться на горизонтальном «днище» шириной не менее 2 метров. К этому месту танк вела широкая (длиной около 5 метров) часть рва, имевшая значительный наклон.

В первые два года войны, когда наша армия в основном отступала, противотанковые рвы, протяженность которых составляла сотни километров, делали в несколько рядов друг за другом. Расстояние между рядами могло быть несколько десятков километров или значительно больше в зависимости от предполагаемого продвижения противника в глубь нашей территории. Направление рвов было преимущественно с севера на юг (или наоборот), т. е. перпендикулярно движению вражеских танков.

Длина противотанковых рвов, вырытых нашей командой под Смоленском, составила, наверное, 1,5 километра.

Многие из наших ребят фактически были «белоручками» и не имея защитных рукавиц, нажили на ладонях кровоточины от лопат. В дальнейшем все привыкли к тяжелой работе, а кожа на ладонях огрубевала.

Почти все ребята старались работать хорошо, кроме тройки «волынщиков», старавшихся укрыться за спинами других. Однако наши старшие – Женя Анохин и Нестор Крохин – учли их поведение при начислении заработной платы.

...Из высокорослых ребят, выкидывавших грунт из рва, уже достаточно глубокого, мне запомнился один первокурсник. Он отличался большой физической силой. Его несколько раз

отправляли с группой почти таких же физически сильных ребят в город Рославль выгружать из вагонов цемент для строительства ДОТов. Коля Смирнов и другие, работавшие вместе с тем первокурсником, рассказывали, как он ловко брал тяжелейший мешок с цементом и аккуратно укладывал его в кузов грузовика. А другие ребята могли поднять такой мешок только вдвоем.

Я тогда не поинтересовался фамилией и именем этого юноши, но, возвратившись в 1946 году в институт, я узнал, кто это был. Мало того, я оказался вместе с ним в одной учебной группе, а меньше чем через год поселился с ним же в общежитии. Этим студентом был Миша (Михаил Петрович) Попов родом из Тамбовской области. С ним, ныне проживающим в Смоленске, я дружу до сих пор.

...Наш рабочий день длился с 8 до 19 часов. По команде старшего (Анохина или Крохина) все делали отдых на 10–12 минут, который называли перекур. Многие действительно курили, в том числе и я. Нам полагался обеденный перерыв, занимавший больше часа, поскольку на обед приходилось идти (а позже – ехать на грузовиках) в деревню. Работу не приостанавливали даже при дожде, так как укрыться от него было практически негде.

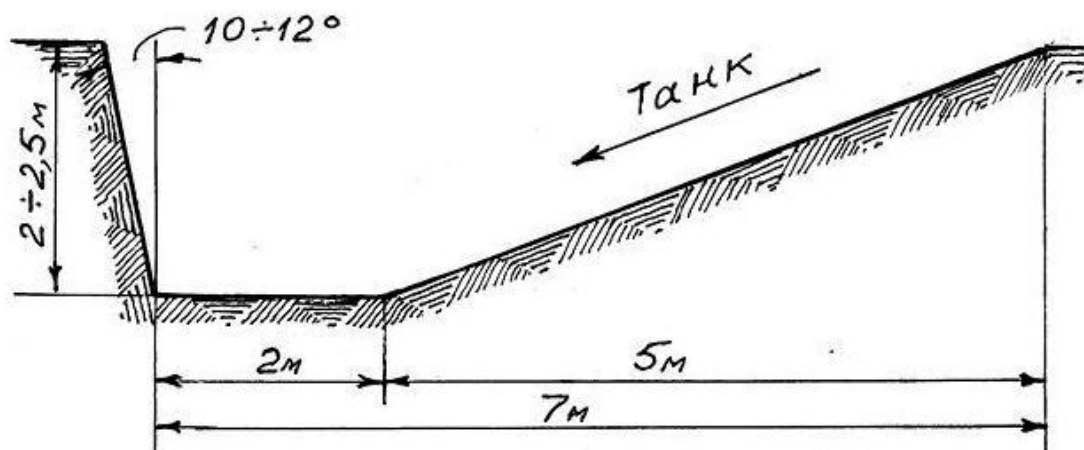

Рис. 1. Поперечный разрез противотанкового рва

У меня, как и у некоторых других ребят, оказалась проблема с обувью. Чтобы сберечь свои легкие брезентовые туфли, при рытье легкого неглинистого грунта я снимал их и работал босиком.

Я всё еще продолжал жить с остатками детского воображения: старался хоть чем-то да отличаться перед товарищами. Это проявлялось прежде всего в том, что я работал, иногда и через силу, стараясь не отстать от самых физически развитых ребят, и бывал очень довольным, когда начальство это отмечало. Делал я и явные глупости. Так, поскольку не захватил с собой головной убор, иногда не столько по этой причине, сколько для демонстрации своей «оригинальности», повязывал голову белым махровым полотенцем, превращая его в подобие чалмы с болтающимся возле правого уха «хвостом».

В середине июля несколько дней погода стояла мрачной и дождливой. В это время через Зимницы и соседние деревни ежедневно в большом количестве шли на запад наши войсковые подразделения. Иногда красноармейцы и их командиры вынуждены были ночевать с нами в сарае. При одной такой ночевке сержант – сельский учитель, с которым я тогда разговорился по душам, отдал мне свою запасную новенькую зеленую пилотку. В сентябре, возвратившись в Москву, я сфотографировался в этом головном уборе на память.

...Стало известно, что 16 июля немцам сдан Смоленск. Скоро они могли дойти до Екимовичей, до правого берега Десны. Вместе с нашими воинскими частями ушли добровольцами

мой хороший друг – дзюдоист Толя Зайцев, великовозрастный и рослый студент Борис Троцкий, жгучий брюнет еврей Гриша Цирлин и несколько других ребят.

Угроза быстрого подхода немцев к Десне вынудила ускорить работы по подготовке противотанковых рвов и других оборонительных сооружений. Нас начали привлекать также к строительству ДОТов и ДЗОТов. Я с тремя друзьями один день занимался устройством из досок опалубки и доставкой на носилках бетона двум красноармейцам – строителям ДОТа и его будущим защитникам. Несколько дней, несмотря на дожди, пришлось работать до поздней ночи босиком и в промокшей насквозь одежде. Видимо, из-за всего этого я сильно простудился. 16 и 17 июля, уже едва держась на ногах, я еще работал, а 18 июля, в день моего рождения (мне исполнилось в тот день 20 лет), ребята оставили меня «дома». В тот день под шум дождя, шедшего почти непрерывно, дрожа от холода и от головной боли, я провалился в «постели» из соломы и сена на земляном полу, прикрытый лишь своим коротким темно-синим костюмным пиджачком. Тяжелобольным встречал я и дни рождения в 1942 и 1943 годах.

К вечеру ко мне привели медсестру, которая, замерив температуру, дала мне несколько таблеток аспирина. К утру 19 июля почувствовал себя лучше, с аппетитом съел принесенный мне завтрак, а после обеда пошел на работу. Примерно через 7 дней после этого мы, закончив работу у Зимниц, копали ров возле деревни Старое Сырокоренье у реки Колозня. В тот день у меня вдруг сильно заболела спина, и я оказался не в состоянии ни согнуться, ни выпрямиться. Здесь меня опять выручила медсестра, поставив мне на спину около 20 стеклянных стаканчиков – банок. Когда банки остыли и отпали, на спине образовалась «картинная галерея» из розово-красных кружков, а через час я снова стал работоспособным.

С первых же дней после прибытия в Зимницы мы невольно обращали внимание, что над нами высоко в небе пролетают на восток и обратно вражеские самолеты. Сначала это были в основном длинные двухфюзеляжные двухмоторные Fw.189A «Eule» («Совы»), или «рамы» по-нашему, производившие разведку местности. За ними (как правило, сразу) следовали бомбардировщики: одно- и двухмоторные, конструкции «юнкерсы», а также одномоторные пикирующие Ju.87 штурмовики, и двухмоторные He.111 «хенкели». Ночью и днем летали четырехмоторные Fw.200 и другие. Бомбардировщиков нередко сопровождали одномоторные истребители Vf.109, а иногда двухмоторные Vf.110 «мессершмитты» и другие. Конечно, в типах и названиях конструкций немецких боевых самолетов я начал разбираться лишь позже.

До первой половины июля немецкие самолеты летали, как правило, на большой высоте и нас не беспокоили, ограничиваясь только сбрасыванием листовок. Но позже бомбардировщики, штурмовики и истребители иногда опускались очень низко, пугая нас, и иногда сбрасывали мелкие бомбы и обстреливали нас из пулеметов. Всё это они сопровождали, как правило, страшным воем специальных сирен.

Мы убедились, что появление самолетов на малой высоте всегда могло оказаться опасным, поэтому мы сразу ложились на землю, а в лучшем случае убегали в ближайшие овраги или в лес. Чаще всего пытались спрятаться в своем же противотанковом рву.

Сбрасываемые с самолетов листовки нам было запрещено поднимать, а тем более читать. Для их сбора и уничтожения выделяли специально подобранных людей. Но всё-таки нам удавалось читать эти листовки, однако нас удивляло их содержание, часто казавшееся просто глупым. Например, немцы писали, будто нашим государством управляют иудо-большевики и в основном – жида во главе с тираном и кровожадным убийцей Сталиным, что в СССР существует крепостное право. Больше всего листовок предназначалось военным. Им предлагалось сохранять листовку в качестве пропуска для перехода через фронт и добровольно сдаваться в плен. В таких листовках ругали политических комиссаров и рекомендовали беспощадно уничтожать их и всячески способствовать победе германских войск. В листовках было и много карикатур на Сталина и на комиссаров. В листовках сообщалось о больших успехах германских войск на всех фронтах, о численности пленных бойцов и командиров Красной армии

(в том числе сына Сталина – Якова), о хорошем обращении немцев с пленными, о наделении крестьян землей на территориях, освобожденных от большевиков, и о прочих вещах.

К сожалению, мы тогда очень редко видели в небе наши самолеты. Но однажды нам пришлось быть свидетелями гибели одного из них. Дело было так. Как-то после падения Смоленска, от которого мы находились тогда на расстоянии около 95 км, над нами пролетел, теряя высоту, резко снижаясь, атакованный и поврежденный «мессершмиттом» советский бомбардировщик Пе-2. Залетев за Зимницы, он упал у окраины деревни Новосёлки и взорвался. Из-под обломков самолета извлекли полуобгоревшие тела двух молодых летчиков и похоронили их на краю леса. Говорили, что третий член экипажа остался жив, но его еще до нашего прихода отвезли в госпиталь. Скоро к месту падения самолета подъехала легковая автомашина, и из неё вышли двое военных, которые забрали документы и уцелевшие личные вещи погибших.

Несколько раз мы были свидетелями воздушных боев между немецкими и советскими истребителями. К сожалению, эти бои заканчивались не в пользу наших летчиков: их самолеты, оставляя за собой длинный хвост черного дыма, врезались в землю и взрывались. Однажды мы видели, как летчик сбитого самолета спускался на парашюте, но так и не узнали, остался ли он живым, так как немецкий летчик продолжал стрелять по нему из пулемета.

В августе немцы стали писать в листовках, что наши противотанковые рвы бесполезны, так как для немецких танков они легко преодолимы. Кроме того, их можно без труда обойти. И это было действительно так, но говорить об этом друг другу и тем более начальству мы не осмеливались. Оборонительные работы продолжались. Немцы предупреждали, что скоро начнут бомбить нас и обстреливать из самолетов, хотя им «жалко несчастных заключенных, которые трудятся подневольно». После взятия немцами Смоленска наших отступавших войск мы не видели. Говорили, что они попали в окружение.

...В начале августа нам выдали первую зарплату. За несколько дней до этого наши старшие обсуждали, сколько кому следует платить. Женя Анохин, Нестор Крохин и учетчик Коля Захаров отмечали, что я работаю хорошо, не «вольную» и поэтому заслуживаю такой же повышенной зарплаты, как и более рослые и физически сильные ребята. Так, за вычетом стоимости питания мне достались 800 рублей. А минимальная зарплата составила 600 рублей. Кстати, в начале сентября нам выдали еще и вторую зарплату. На этот раз она у всех была меньше – около 500 рублей. Таким образом, на трудовом фронте я заработал примерно 1300 рублей, из которых 100 рублей вскоре пришлось потратить на приобретение в сельском магазине простеньких брезентовых туфель взамен старых, полностью вышедших из строя.³

...С начала августа в связи с приближением немецких войск к Екимовичам всё больше местного населения стало эвакуироваться на восток, гоня впереди себя коров и другой скот. Люди двигались в основном пешком и редко – на телегах, запряженных лошадьми. В середине августа территория за правым берегом Десны, включая Екимовичи, и у впадающей в Десну реки Колозня, где мы часто купались, оказалась ничейной: два-три дня там не было ни наших, ни немецких войск. В это время населению Зимниц и находящихся вблизи других населенных пунктов поступил приказ срочно эвакуироваться. Однако данный приказ к нам не относился.

В те дни мы стали свидетелями начала эвакуации жителей двух небольших деревень – Новое (на правом берегу реки Колозня, оставленном нашими войсками) и Старое Сырокоренья (на левом берегу той же реки). Погода была солнечной и жаркой. Сначала все жители зашли на местное кладбище попрощаться с похороненными там родными и близкими. Люди садились на могилы и со слезами целовали кресты, потом низко кланялись могилам. Я видел также,

³ Нестор Крохин окончил Институт стали в 1943 году, будучи в эвакуации в Сталинске (ныне Новокузнецке), в Сибири. Перед уходом на пенсию он более четверти века проработал на высоких руководящих и инженерных должностях на Никопольском Южнотрубном заводе на Украине. Последний раз я был у него в гостях в Никополе летом 1976 года. Он умер и похоронен в том же городе в 1988 году. Женя Анохин и Коля Захаров стали профессиональными военными инженерами. Первый из них умер в начале 80-х годов в Ленинграде, а со вторым, живущим в Москве, я продолжаю дружить.

как члены одной семьи перед уходом из деревни целовали стены своей избы, ворота и другие постройки. Смотреть на эти сцены было ужасно тяжело, у меня и у некоторых других ребят тоже потекли слезы...

На следующий день я увидел на противоположном берегу реки Колозня, в деревне Новое Сырокоренье, усадьбу с пчелиными ульями. Хозяев в усадьбе не было, и во всей деревне не было видно никаких людей. И тут же я захотел показать друзьям, что я пчеловод и могу угостить всех свежим сотовым мёдом.

Моя «работа» на пасеке (без защитной сетки для лица и без дыمارя) привела к тому, что пчелы ужалили меня раз пятнадцать. Всё страшно болело, и от работы с лопатой меня, естественно, освободили.

Наступило время обеда, и мы зашли в усадьбу, чтобы взять оставленные мною рамки с медом. Но тут в одной из ближайших к пасеке изб открылось окно и что-то в нём мелькнуло. В избе мы обнаружили совсем немощного старика, пытавшегося взобраться на русскую печь. Он не согласился уехать из деревни в эвакуацию, зная, что ему всё равно скоро помирать. Обе рамки с медом мы оставили старику и ушли от него, очень довольные своим поступком. Кто-то из начальства попытался обвинить меня в мародёрстве и потребовал наказать меня. Но, узнав, что рамки с медом были взяты не для себя, а отданы старику, ограничились предупреждением о недопустимости подобного «мародёрства». После этого мои товарищи по трудовому фронту чаще называли меня не по фамилии и имени, а по прозвищу Пчеловод, которое осталось в памяти у них до сих пор.

Через двое суток после моего похода на пасеку кто-то прибежал запыхавшись и сообщил, что немцы с противоположного берега реки на чистом русском языке по громкоговорителю предупреждают: «Эй вы, московские студенты, бросьте ковыряться в земле, уходите отсюда скорее, иначе будем по вам стрелять!» Мы не поверили сказанному, посчитав это глупой шуткой товарища. Но на другой день, примерно через час после начала работы, вдруг послышался страшный вой и метрах 20 сзади от нас раздался грохот взрыва. Кто-то дико закричал: «Это мины!» Женя Анохин сразу скомандовал: «Ложись!» Совсем недалеко от края рва падали металлические осколки мины. Через пару минут я нашел один из них, он оказался еще горячим, его поверхность оказалась неровной, в нескольких местах заостренной. К счастью, пострадавших у нас не было.

Но не успели мы очухаться от первого взрыва, как снова услышали вой мины. Все разбежались по рву и крепко прижались к стенке со стороны возможного прилёта мины. Второй взрыв прогремел совсем недалеко от нас, но мина сделала перелёт. Я успел заметить, что Лёва Гробман, который перевелся в МИС в феврале из Днепропетровского металлургического института, прикрыл голову металлической частью лопаты. На вопрос, почему он так сделал, я получил ответ: «Самое главное – беречь голову, а попадёт осколок в попу, так еще можно жить!» Некоторые ребята потом следовали его примеру.

Вскоре последовал третий взрыв, уже внутри рва, однако там, где нас не было. Минут через пять шарахнуло метрах в 15 от нас, и опять все остались невредимыми.

Мы ожидали самого опасного – пятого взрыва, а он... не последовал. Мы постепенно успокоились и продолжили работать. При этом мне и еще нескольким самым молодым и, наверное, из-за этого самым глупым ребятам всё происшедшее показалось очень интересным и романтичным. Я даже подумал: «Хорошо, если бы немцы выстрелили еще несколько раз!»

Мы доработали до обеденного перерыва, а после него немцы нас дважды обстреляли из миномёта. Часам к 17-ти, пролетая над нами, немецкие бомбардировщики сбросили северо-восточнее Зимниц несколько бомб, а истребители произвели пулеметный обстрел местности. Мы предположили, что на обратном пути они обстреляют и нашу «братию», поэтому заблаговременно укрылись от них. При этом случился такой казус: Володя Семенов (в будущем лауреат Государственной премии СССР) сел под кустик, чтобы оправиться «по-большому», и его

за этим «делом» заметил пилот «мессершмитта» и дал по нему короткую, но, к счастью, неточную пулеметную очередь. Не натянув брюки, Володя пустился бежать к противотанковому рву, а летчик, грозя кулаком, преследовал убегающего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.